

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

П. А. Мухаметов, Р. Р. Каримов, Р. З. Амиров

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, НАПРАВЛЕННОГО НА
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ
И ТЕРРОРИЗМУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Учебное пособие

Уфа 2021

УДК 343.326(470)"1880/1917"(075.8)
ББК 67.3(2Рос)53я73-1+67.408.131-1(2Рос)я73-1
М92

*Рекомендовано к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Ю. В. Пикалов
(Дальневосточный юридический институт МВД России);
кандидат исторических наук, доцент И. В. Яблонский
(Краснодарский университет МВД России)

Мухаметов, П. А.

М92 История развития отечественного законодательства, направленного на противодействие политическому экстремизму и терроризму в конце XIX – начале XX века : учебное пособие / П. А. Мухаметов, Р. Р. Каримов, Р. З. Амиров. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2021. – 56 с. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7247-1084-8

Учебное пособие содержит анализ уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской империи по вопросам противодействия политическому экстремизму и терроризму в конце XIX – начале XX века.

Предназначено для обучающихся образовательных организаций МВД России.

УДК 343.326(470)"1880/1917"(075.8)
ББК 67.3(2Рос)53я73-1+67.408.131-1(2Рос)я73-1

ISBN 978-5-7247-1084-8

© Мухаметов П. А., 2021
© Каримов Р. Р., 2021
© Амиров Р. З., 2021
© Уфимский ЮИ МВД России, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА	6
§1. Основания привлечения к уголовной ответственности за политический экстремизм и терроризм по законодательству Российской империи конца XIX века	6
§2. Уголовная ответственность за преступления террористической направленности по законодательству Российской империи начала XX века	23
Глава 2. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА, НАПРАВЛЕННЫХ НА ВЫНЕСЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	30
§1. Высылка и ссылка по уголовному законодательству Российской империи конца XIX – начала XX века	30
§2. Органы политического сыска Российской империи в конце XIX – начале XX века	42
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	46
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	48
ПРИЛОЖЕНИЕ	55

ВВЕДЕНИЕ

Терроризм в современном мире представляет серьезную угрозу не только национальной безопасности нашего государства, но и международной безопасности в целом. Террористическая деятельность принимает все более масштабные формы, сопровождающиеся большим количеством жертв, разрушений, созданием атмосферы страха, напряженности в обществе.

В разные исторические эпохи принятие необходимых государственных решений достигалось путем насильственных методов политической борьбы против высших должностных лиц или мирного населения. Даже в начале XXI века международный терроризм в форме революционной деятельности политических и общественных сил продолжает сохраняться как крайнее проявление политического экстремизма, обусловленного резким усилением социальной напряженности.

История становления отечественного права, направленного на противодействие политическим и государственным преступлениям, занимает центральное место при изучении таких дисциплин, как «История государства и права России», «История отечественного государства и права» и других дисциплин историко-правового цикла. Изучение историко-правовых аспектов отечественного законодательства, направленного на противодействие терроризму и экстремизму, позволит современной юридической науке выработать эффективные правовые механизмы профилактики, построения эффективных юридических конструкций пресечения и противодействия подобным преступлениям в будущем.

В учебном пособии рассматривается отечественный опыт в антитеррористической сфере, в частности, вопросы, касающиеся эффективности функционирования институционально-правового механизма противодействия терроризму и существующей в Российской империи в конце XIX – начале XX века нормативной базы в антитеррористической сфере. Дано описание основных решений царизма в области противодействия политическому терроризму и экстремизму на многосторонней и двусторонней основе, а также освещены направления развития российского антитеррористического законодательства (специальные правовые режимы в области противодействия терроризму, институциональные аспекты антитеррористической деятельности в России).

Новизна учебного пособия заключается в раскрытии ретроспективы основных направлений правотворческой деятельности государственных органов и правоохранительных органов Российской империи, обеспечивающих профилактику терроризма и экстремизма, уголовное

преследование политических и государственных преступников, вынесение наказания и исполнение наказания (смертная казнь, каторга, ссылка).

При подготовке учебного пособия проанализирован значительный объем современных историко-правовых исследований по рассматриваемой проблеме, а также опубликованных сборников документов и нормативно-правовых актов, содержащих правовые нормы противодействия экстремизму и терроризму в Российской империи, архивных источников и материалов (в большей степени по Уфимской и Оренбургской губерниям).

Методологической основой учебного пособия является проблемно-хронологический и сравнительно-юридический методы, позволившие рассмотреть процесс эволюции отечественного законодательства в его исторической динамике, детерминанте становления государственно-правовых процессов и обусловленности политической конъюнктуры.

В этой связи авторское осмысление вопросов истории отечественного законодательства, направленного на противодействие экстремизму и терроризму, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Обращение к позитивному опыту правотворческой деятельности государственных органов Российской империи способствует выработке эффективных механизмов противодействия террористическим и деструктивным факторам.

Глава 1. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

§ 1. Основания привлечения к уголовной ответственности за политический экстремизм и терроризм по законодательству Российской империи конца XIX века

Понятие «политические преступления» принято рассматривать как элемент политической (политологической) терминологии. В научной юридической литературе политические преступления выделяют в отдельную группу преступлений, затрагивающих отношения, связанные с осуществлением государственной власти, государственный (конституционный) строй, общественное устройство. При этом в уголовном законодательстве различных государств они не отделены от общеуголовных преступлений и обозначаются как государственные или преступления против конституционного строя¹.

Политический экстремизм и политический терроризм характеризуются своей направленностью против существующей государственной власти, субъектов, ее представляющих, против порядка государственного управления. Российский законодатель в рассматриваемый в учебном пособии период не оперировал такими дефинициями как политический экстремизм и политический терроризм. Однако, исходя из современного определения данных видов преступлений, мы можем обнаружить аналогичные деяния, обозначаемые терминами, соответствующими юридическому языку отечественного законодательства конца XIX – начала XX века.

Понятию «терроризм» в научной литературе дается множество определений. Современный российский законодатель определил его как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанную с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий². Воздействие на принятие решения органами государственной власти как цель террористической деятельности определяет ее политический характер, хотя законодатель не использует термин «политический терроризм».

¹ Большой юридический словарь / А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. М., 2003. С. 442.

² О противодействии терроризму : федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

Согласно п. 2 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» террористическая деятельность включает в себя:

а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта;

б) подстрекательство к террористическому акту;

в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре;

г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов;

д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта;

е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности

Уголовным кодексом Российской Федерации преступления, связанные с проявлениями терроризма, отнесены к группе преступлений против общественной безопасности и общественного порядка (ст. 205–205.5): террористический акт; содействие террористической деятельности; публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма; прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности; организация террористического сообщества и участие в нем; организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации¹. Террористический акт направлен на устрашение населения, но при этом в качестве одной из его целей законодателем указывается дестабилизация деятельности органов власти либо воздействия на принятие ими решений (аналогичное определение содержится в п. 3 ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму»). Следовательно, можно утверждать о том, что данное деяние в подобном проявлении носит антигосударственный, следовательно, политический характер. Учитывая тот факт, что современный терроризм претерпел определенную трансформацию и на сегодняшний день находит свое проявление в форме антиправительственной деятельности незаконных вооруженных формирований (действия сепаратистов на Северном Кавказе, ИГИЛ (запрещенная на территории Российской Федерации организация) на территории Сирии и пр.), политический характер может быть присущ и деянию, предусмотренному ст. 208 УК РФ «Организация незаконного

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.04.2021).

вооруженного формирования или участие в нем». Так, согласно п. 2 «в» ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму» террористическая деятельность может включать в себя организацию незаконного вооруженного формирования. Антигосударственный характер данного преступления также находит свое проявление в нарушении важнейшей прерогативы государства – монополии на применение насилия, в том числе вооруженного. Подобное мы обнаруживаем и в признаках, которые характеризуют массовые беспорядки, сопровождающиеся насилием, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти (ст. 212). Массовые беспорядки, сопряженные с масштабным применением вооруженного насилия и вооруженным сопротивлением представителям власти, действия террористов и незаконных вооруженных формирований могут трансформироваться в разряд отдельных противоправных деяний, отнесенных законодателем к группе преступлений против государственной власти (по сути политических преступлений): посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277); насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278); вооруженный мятеж (ст. 279); диверсия (ст. 281).

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» выделяет круг деяний, определяемых как экстремизм, но также не выделяет понятие «политический экстремизм»¹. При этом политический характер присущ таким из них, как: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность

¹ О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

В отличие от современных преступлений террористической направленности, жертвами которых становятся не только представители государственной власти, но и в большинстве своем случайные люди, терроризм конца XIX – начала XX века носил исключительно политический, избирательный характер.

Преступления, которые современный законодатель квалифицирует как экстремизм и терроризм, применительно к уголовному законодательству Российской империи конца XIX – начала XX века относятся к категории политических или государственных преступлений. Для них характерна общая направленность против государственного строя и порядка государственного управления. Изданный в рассматриваемый нами период Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона государственные (политические) преступления определял, как «совокупность преступных деяний, направленных против государства как политического целого. <...> В более узком смысле государственные преступления включают в себя все те преступные деяния, предметом которых являются публичные, государственные права»¹. Ввиду того, что данные преступления посягают на основы государственного строя, то и влекут за собой наиболее суровые уголовно-правовые санкции, вплоть до применения высшей меры наказания, что характерно для всех государств, как различных исторических типов, так и современных. К примеру, Кодекс Наполеона 1810 г. содержал 25 статей, посвященных политическим (государственным) преступлениям, представляющим угрозу безопасности государства. 16 из них предусматривали в качестве наказания смертную казнь.

В русском праве появление категории политических (государственных) преступлений относится к периоду конца XV–XVI веков, когда в процессе систематизации законодательства в Московском государстве принимаются судебники. Отмечается отсутствие в научной литературе единообразной интерпретации терминологии источников

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс] / под ред. И. Е. Андреевского. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/030/30741.shtml> (дата обращения: 20.04.2021).

права, содержащих нормы о государственных преступлениях¹. Указание на наиболее тяжкие виды преступлений, отнесенные впоследствии к государственным, обнаруживается еще в Псковской судной грамоте (ст. 7), в Судебниках 1497 (ст. 7) и 1550 (ст. 61) годов, предусматривавших применение смертной казни в отношении таких лиц как «государский убойца», «коромольник», «церковный тать», «головной тать», «подымщик», «зажигалник», «градской здавец», «подметчик».

Преступления против государя и государства (как его владения) впервые были обособлены от других тяжких преступлений с принятием в 1649 году Соборного уложения. Глава II Уложения называлась «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать» содержала 22 статьи, предусматривающие наказания за преступления против:

1) жизни и здоровья государя («на государьское здоровье злое дело» – ст. 1 или «извет» – ст. 13);

2) против царской власти («Московским государством завладеть и государем быть и для того своего злово умышления начнет рать збирать» – ст. 2; смена подданства; бегство за рубеж; связь с неприятелем в военное время или сдача ему крепости, либо замышление данного преступления);

3) «скоп и заговор» (ст. 18) и недоносительство о нем (ст. 19).

В подавляющем большинстве статей уголовно-правовой санкцией была смертная казнь. По мнению русского юриста Г. Г. Тельберга, в данной главе была «дана если не исчерпывающая, то все же относительно полная система государственных преступлений»². Соборное уложение как основной источник по политическим (государственным) преступлениям (относившее к ним действия, направленные против личности государя или его семьи, бунт, заговор, измену) действовало вплоть до 1832 года.

Изначально под государственными преступлениями понимались преступления против государя как суверена, олицетворяющего собой государство. К середине XVIII века понятия «государь» и «государство» постепенно разграничиваются. При этом государственные преступления рассматривались в первую очередь как противоправные деяния, направленные против государя, его власти и владений. Нормы Уложения 1649 года о политических преступлениях были существенно дополнены вновь принятыми нормативно-правовыми актами. Артикул воинский 1715 г. (гл. 3, 16, 17) к таковым отнес измену, вооруженный бунт или возмущение против государя, осуждение действий или намерений государя, словесное его оскорбление, умысел на убийство или пленение монарха и др. В указе Анны Ивановны от 2 февраля 1730 года речь идет о

¹ Анисимов Е. В. Держава и топор. Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 2019. С. 102.

² Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 50.

двух группах политических преступлений: «злое дело» против императорского здоровья, оскорбление чести государя «злыми и вредительными словами»; бунт или измена.

Е. В. Анисимов отмечает: «...Политический сыск был занят не столько реальными преступлениями, которые угрожали госбезопасности, сколько по преимуществу «борьбой с длинными языками». Подавляющее большинство всех политических преступлений того времени – это всевозможные «непристойные слова», оскорбляющие честь государя, а также преступления, связанные с ними («ложное слово и дело» и недоносительство)»¹.

Изменения, происходившие в общественно-политической жизни Российской империи в XIX веке, оказывали непосредственное воздействие на законодательный процесс. В частности, это нашло отражение в уголовном праве. Изменялся характер преступлений, направленных против существующей государственной власти. В XVIII веке они проявлялись, в основном, в форме «верхушечных» переворотов с участием гвардии как выражение борьбы политических элит, «снизу» – в крестьянских восстаниях. При этом данные политические преступления не посягали на основы государственного строя Российской империи. Даже потрясшее устои феодального государства Крестьянская война не посягала на существующую форму правления, а ее руководитель Пугачев позиционировал себя как «чудесным образом спасшийся император Петр III». При этом А. Н. Радищев, за одно лишь произведение «Путешествие и Петербурга в Москву» Екатериной II был охарактеризован как «бунтовщик хуже Пугачева», т. к. будучи сторонником республиканской формы правления высказывался против крепостничества и абсолютной монархии. Данное деяние властью рассматривалось как более опасное для нее и имеющее большее политическое содержание, чем «пугачевщина». Уголовная палата применила к Радищеву статьи Уложения о «покушении на государево здоровье», о «заговорах и измене» и приговорив к смертной казни, которую императрица заменила на 10 лет ссылки. В именном указе от 4 сентября 1790 года, сформулированные им идеи были квалифицированы как унижающие авторитет государственной власти, как призыв к выступлениям против государственной власти и ее представителей, как посягательство на существующую форму правления².

Идеи Радищева в период правления Александра I, работавшего над текстом конституционного проекта «Всемилоостивейшая жалованная грамота», в составе Комиссии для составления законов, во многом повлияли на мировоззрение будущих декабристов. Попытка государственного переворота 14 декабря 1825 г. стала предвестником

¹ Анисимов Е. В. Указ. соч.

² Полное собрание законов Российской империи (далее : ПСЗ). Собр. 1-е. Т. XXIII. № 16901.

формирования организованной оппозиции существующей государственной власти. «Старую Россию, которую потрясали крестьянские восстания, дворцовые перевороты, выступления против существующего в государстве политического строя, власти отдельных лиц, сменила Россия, внутри которой формировалась оппозиция с ясной целью – изменить существующий в государстве общественно-политический строй, для чего создавались нелегальные организации, применялись новые формы борьбы»¹. Возникновение новых видов и форм политических преступлений требовало дальнейшего совершенствования карательного законодательства.

Уголовным законодательством Российской империи предусматривалось применение телесных наказаний, со временем подлежавших смягчению либо отмене. В течение 30-70-х годов XIX в. происходили постепенное освобождение представителей разных сословий от телесных наказаний, замена одних наказаний другими, а потом и их отмена, как в отношении подсудимых, так и осужденных за повторное преступление. Манифестом 10 апреля 1832 г. «Об установлении нового сословия под названием Почетных граждан» было учреждено для городских жителей новое сословие – Почетных граждан, которым даровались некоторые права и преимущества, среди них – «свобода от телесного наказания в случае преступления».

На основе Полного собрания законов Российской империи, в 1832 г. вышел в свет Свод законов Российской империи. Уголовно-правовые нормы содержались в томе XV Свода и впервые были отграничены от уголовно-процессуальных норм. В следующем году были отдельно изданы «Законы уголовные». Как и в Соборном уложении, в качестве наиболее опасных преступлений указывались злоумышление против монарха и членов его семьи (ст. 214–222), бунт и измена государю и государству. За политические преступления по первым двум пунктам уголовно-правовыми нормам были предусмотрены достаточно суровые санкции как для организаторов и подстрекателей, так и в отношении рядовых соучастников. Статья 217 предписывала при рассмотрении подобных преступлений определять наказание в виде смертной казни в тех случаях, когда дело по особой важности передавалось на рассмотрение Верховного уголовного суда. При рассмотрении дел в обычных судах (окружных, судебных палатах) назначались наказания, заменяющие натуральную смерть, – лишение всех прав состояния, наказание кнутом (политическая смерть) и ссылка на каторжные работы. Квалификация бунта против царя и государства была дана в ст. 223: «Бунтом называется восстание скопом и

¹ Казарян П. Л. Правовая регламентация политических преступлений в законодательстве России. Первая треть XIX – начало XX века. URL: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1215 (дата обращения: 15.04.2021).

заговором многих подданных против Государя и Государства, сопряженное с насильственными действиями, как то: с грабежом, убийствами, зажигательством, взломом тюрем и освобождением преступников, или же с намерением учинить преступление такового рода»¹. Статья 224 предусматривала порядок и меры наказания, аналогичные первому пункту (ст. 217), с допущением конфискации имущества в приграничных губерниях. Преступления против правительства предусматривали наказания в виде лишения всех прав состояния, наказание кнутом и ссылку на каторжные работы за сочинение и разглашение подложных указов от имени правительства, направленных на нарушение спокойствия в государстве (ст. 235–236). К ним было приравнено по силе наказания сочинение пасквилей и подметных писем против правительства (ст. 238). За оказание сопротивления властям согласно ст. 243 следовало лишение всех прав состояния, наказание плетьюми и ссылку на поселение. Если же оно был сопряжено с оказанием вооруженного сопротивления, то влекло за собой лишение всех прав состояния, наказание кнутом и ссылку на каторжные работы. Если сопротивление оказывалось воинским командам, таможенной, кордонной, лесной страже и полиции, то дело должно было рассматриваться военным судом. К экстремистским действиям также можно отнести деяние, предусмотренное ст. 252: «Взлом тюрем, увод и освобождение из оных преступников, подвергает виновного лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу». Освобождение политических преступников придавало данному деянию политический характер.

Нормы Свода законов уголовных, получили дальнейшее развитие в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных», утвержденном Николаем I 15 августа 1845 г.² Уложение 1845 г. впервые в уголовном законодательстве четко определило участников преступления, отдельные группы по мере их вовлечения в него, с их точной характеристикой. Квалификация участников политических преступлений имела важное значение в судебных процессах против членов организации революционеров и участников вооруженных восстаний. Уложение 1845 г. в определенной мере обобщило опыт судебной практики, начиная от процесса над декабристами, когда одновременно, по одному судебному процессу проходила масса участников и точное выяснение участия и роли каждого ее участника позволяло в полной мере отразить в обвинительном акте вину каждого обвиняемого. Квалификация участников судебных процессов особенно широко применялась в публичных судебных

¹ Свод законов Российской империи. Свод законов уголовных. 3-е изд. СПб., 1835. С. 80.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6. М., 1988. С. 145.

процессах в 60-70-х годах XIX в. Государственные преступления рассматривались в разделе III Уложения 1845 г. Первая глава была посвящена преступлениям против императора и членов императорского дома (ст. 263–270). Была исключена юридическая норма «о преступлениях по первым двум пунктам», хотя состав этих преступлений был включен в содержание нового Уложения. Новеллой явилось то, что все составы преступлений – от прямого посягательства на жизнь императора и членов его семьи, до публичных оскорбительных выражений в адрес членов царствующего дома были объединены в первой главе.

Статьи 263–266 предусматривали лишение всех прав состояния и смертную казнь злоумышленников, чьи действия были направлены против жизни, здоровья, чести императора и членов его семьи, а также за попытку лишить императора власти или свергнуть его. При этом уголовное преследование осуществлялось не только за действие, но и за умысел. То же наказание было предусмотрено за доноительство.

Составление и распространение письменных или печатных сочинений против императора каралось лишением всех прав состояния и ссылкой в крепостные работы сроком от 10 до 12 лет, соединенными с телесным наказанием (если не освобождены от него) и наложением клейма. Тому же наказанию подвергались и участники этих действий (ст. 267 части 1 и 2). Аналогичные наказания предусматривались по тем же составам преступлений в отношении других членов императорского дома (ст. 270). Произнесение «хотя и заочно» оскорбительных слов против императора, публичные оскорбительные действия в отношении портретов, статуй, бюста или других изображений царя карались лишением всех прав состояния, телесным наказанием с наложением клейма и ссылкой на каторжные работы на заводах сроком от 6 до 8 лет.

Значительные изменения в сравнении с аналогичным разделом Свода 1832 г. (Свод законов уголовных 1833 г.) претерпели уголовные нормы, содержащиеся в первом отделении второй главы третьего раздела «О бунте против власти Верховной». Статья 271, характеризуя бунт как восстание скопом и заговор против государя и государства, в отличие от прежней редакции закона акцентировала, что «... за умысел ниспровергнуть правительство во всем государстве или в некоторой онаго части, или же переменить образ правления, или установленный законами порядок наследия Престола, и за составление на сей конец заговора или принятие участия в составленном уже для того заговоре, или в действиях онаго, со знанием о цели сих действий, или в сборе, хранении или раздаче оружия и других приготовлениях к бунту, все как главные в том виновные, так и сообщники их, подговорщики, подстрекатели, пособники, попустители и укрыватели подвергаются: лишению всех прав состояния и смертной казни». Если указанные в ст. 271 составы преступлений пресекались на

стадии умысла, раскрывались в начальной стадии и не имели серьезных последствий, то согласно первой части ст. 272 вместо смертной казни виновные приговаривались к лишению всех прав состояния и к ссылке на каторжные работы в рудниках от 12 до 15 лет, крепостях – от 10 до 12 лет.

Статья 273 предписывала «виновных в составлении и распространении письменных или печатных объявлений, воззваний или же сочинений, или изображений, с целью возбудить к бунту или явному неповиновению Власти Верховной» подвергнуть лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы в крепостях от 8 до 10 лет (подвергнув телесному наказанию с наложением клейма).

За составление и распространение письменных и печатных воззваний, за произнесение публичной речи, в коих, хотя и без прямого и явного возбуждения к восстанию против Верховной власти, подвергается сомнению ее неприкосновенность или же порицается порядок установленного законами образа правления и т. д., виновные, согласно ст. 274, подвергались лишению всех прав состояния, телесным наказаниям с наложением клейма и ссылке на каторжные работы на заводах сроком от 4 до 6 лет.

В четвертом разделе Уложения «О преступлениях и поступках против порядка управления» в разных статьях содержались уголовно-правовые нормы, которые применялись в делах политического характера. В ст. 284 говорилось о сопротивлении властям, восстании, попытке путем сопротивления препятствовать обнародованию указов, манифестов, законов и их исполнению, принуждении вооруженным путем заставить власти выполнить те или иные действия и т. д. Подобные составы преступлений содержались и в ст. 285–294 в отношении учинения противодействия, сопротивления невооруженным путем и т. д. Зачинщики и активные участники подобных действий подвергались лишению всех прав состояния, телесным наказаниям с наложением клейма и ссылке на каторжные работы в рудниках, заводах или же ссылке на житье в Томскую или Тобольскую губернии. Рядовые участники наказывались от лишения всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ (дворянство, чинов, наград, званий и т. д.) и ссылки на поселение, до тюремного заключения или ареста в полиции.

Положения этих статей особенно широко применялись в политических делах, касающихся восстаний, крупных стачек, демонстраций политического характера, требовавших от властей привлечения сил полиции, жандармерии, воинских команд для обеспечения правопорядка.

Статья 296 предусматривала за составление и распространение всяких письменных сочинений против власти или публичные речи с целью возбудить сопротивление властям – лишение всех прав состояния, наказание плетьюми от 20 до 30 ударов (предусмотренных ст. 22) и ссылку

на поселение в отдаленные места Сибири. Когда же эти действия признавались производившими «важное нарушение установленного порядка», то, оставляя в силе наказания, предусмотренные первой частью статьи, число ударов плетью увеличивалось от 40 до 50, и предусматривалась ссылка в каторжные работы на заводах сроком от 6 до 8 лет.

В разделе четвертом к политическим преступлениям имеют прямое отношение две статьи главы VI «О тайных обществах и запрещенных сходбищах». Статья 347 гласила: «Основатели и начальники тайных, под каким бы то ни было наименованием, обществ, имеющих вредную для спокойствия или целости государства, или противную установленным законами образу и порядку правления цель, подвергаются, как государственные преступники», лишению всех прав состояния и смертной казни. В случае раскрытия тайного общества, когда оно еще не начало действовать и приносить вред, предусматривалось наказание в виде лишения всех прав состояния и ссылки на каторжные работы в рудниках сроком от 12 до 15 лет или в крепости – от 10 до 12 лет. Вторая часть статьи предусматривала то же наказание для членов таких обществ, «имевших полные сведения о преступных оных целях».

Третья часть ст. 347 для тех, «которые, зная о существовании и об истинном свойстве и цели такого общества и имея возможность довести о том до сведения правительства, не исполнили сей обязанности», предусматривала лишение их всех прав состояния, наказание плетью от 20 до 30 ударов и ссылку на поселение в отдаленнейшие места Сибири.

Первая часть ст. 348 для основателей и начальников тайных обществ, которые хотя и не преследовали целей, изложенных в первой части статьи 347, однако же стремились «посредством каких-либо неупомянутых и недозволенных законом действий или влияния произвести перемену в общих государственных или губернских и других местных учреждениях, или же в постановлениях, коими определяются дарованные или утвержденные Высочайшею властью права и преимущества, или вообще права существующих в государстве состояний и сословий, или же достигнуть иной политической, без ведома правительства, цели», предусматривала лишение всех прав состояния, наказание плетью от 20 до 30 ударов и ссылку на поселение в отдаленнейших местах Сибири.

Вторая часть статьи для тех, кто вступил в общество с полным знанием о его цели, предусматривала лишение их лично и по состоянию присвоенных особенных прав и преимуществ и ссылку на житье в губернии Иркутскую или Енисейскую, с заключением на время от 2 до 3 лет и с запрещением выезда в другие сибирские губернии в течение определенного судом времени от 8 до 10 лет или же в Томскую или Тобольскую губернии, с заключением на время от 2 до 3 лет, и если не освобождены от телесных наказаний, то наказание розгами от 70 до 80

ударов и отдачу в исправительные арестантские роты гражданского ведомства сроком от 4 до 8 лет.

В сравнении со статьями Свода законов уголовных 1833 г. (ст. 247–249) произошли коренные изменения в трактовке уголовных норм, связанных с тайными обществами. Во-первых, дается толкование понятия «тайные общества», его характерных параметров и спектра действий, исходя из государственной безопасности; во-вторых, законодатель классифицирует их по степени опасности, которую они представляют для государственного и общественного устройства страны; в-третьих, производится градация самих участников тайных обществ по степени их участия и осведомленности о нем; в-четвертых, исходя из вышеизложенного вводятся четкие однозначные меры уголовного преследования для каждого участника подобного общества¹.

Происходила постепенная замена и отмена телесных наказаний. В именном указе от 11 февраля 1855 года предусматривалось внесение в Военно-уголовный устав дополнения, где перечислялись болезни, по наличию которых, подсудимый не мог быть подвергнут телесному наказанию. Александр II 4 ноября 1863 года утвердил мнение Государственного Совета «об отмене наказания шпицрутенами ... лиц гражданского ведомства, за совершенные ими преступления», когда они «подлежат военному суду и наказанию по решениям Военно-судных комиссий, на основании военно-уголовных законов».

Возрастание революционной активности, появление во второй половине XIX века революционных террористических организаций и сообществ, считавших совершение террористических актов основной формой противодействия законным властям, обусловили появление более тщательной регламентации понятия устойчивых преступных групп и установление ответственности за организацию и участие в них. В общей части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. выделялись такие формы соучастия в преступлении, как совершение преступления группой лиц без предварительного соглашения (скопом), по предварительному соглашению (заговор) и шайкой. В особенной части Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. была установлена ответственность за создание шайки и вступление в нее. При этом шайка являлась формой совместной преступной деятельности по предварительному сговору. За рамки соучастия выходила деятельность преступных групп (тайных сообществ), которые как раз и аккумулировали усилия многих лиц для совершения резонансных террористических преступлений. Соответственно, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в разделе четвертом «О преступлениях и проступках против порядка управления» была введена глава шестая

¹ См.: Казарян П. Л. Указ. соч.

«О тайных сообществах и запрещенных сходбищах», в которой статья 347 установила следующее определение тайных сообществ: это «общества, имеющие вредную для спокойствия или целостности государства, или противоправную установленными законами образ и порядка управления цель»¹. Организаторы, руководители и участники данных сообществ, а также лица, не донесшие до властей сведения о данных сообществах подвергались лишению всех прав состояния и смертной казни.

Рост антиправительственных выступлений, связанный с последствиями реформы 1861 г., нашел одно из своих проявлений в революционно-террористической деятельности, в усилении политического экстремизма. Одними из первых идею об убийстве царя как катализаторе революционных выступлений выдвинули члены революционного кружка под руководством Н. А. Ишутина. В 1866 г. внутри организации была создана террористическая группа «Ад». Ее целью было осуществление систематического террора против представителей государственной власти. Это являлось одной из причин того, что Уголовное уложение 1845 г. неоднократно претерпевало изменения, полностью или частично совершенствовались отдельные статьи. В 1866 г. вышла новая редакция «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных». По представлениям Государственного Совета в него неоднократно вносились дополнения, например, Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета от 4 июня 1874 г. «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных», или 15 января 1880 г. «О дополнении статей 251 и 252 Уложения о наказаниях» и т. д. Для повышения эффективности борьбы с политическим терроризмом Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 27 марта 1867 г.² запрещалась деятельность всех противозаконных сообществ, к которым были отнесены:

а) все тайные общества, с какой целью они бы не были учреждены;
б) все преследующие вредную цель сборища, собрания, сходбища, товарищества, кружки, артели и прочее, под каким бы наименованием они не существовали, образовавшиеся и действующие по соглашению между собой нескольких лиц;

в) все те общества, которые, по исходотайствованию надлежащего на свою деятельность разрешения, уклоняются от цели их учреждения и действия которых в каком-либо отношении вредны для государственного благоустройства или общественной нравственности.

Однако данный нормативный правовой акт не уделил должного внимания целям деятельности сообществ, использующих террор как метод политической борьбы. Таким образом они приравнивались к иным пре-

¹ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6. М., 1988. С. 347.

² ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XLII. Отд. 1 № 44402.

ступным группам. Данный пробел был восполнен Высочайше утвержденным мнением Госсовета «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных» от 4 июня 1874 г.¹, определившем, что «противозаконными сообществами признаются сообщества, учрежденные с целью: противодействия распоряжениям Правительства, или возбуждения неповиновения властям, или разрушения основ общественной жизни: религии, семейного союза и собственности, или возбуждения вражды между сословиями и вообще между отдельными частями или классами населения, или между хозяевами и рабочими, а равно с целью возбуждения к устройству стачек». В соответствии с данным законом наказание для участников сообщества усиливалось, если:

- сообщество приняло особые меры к сокрытию своего существования или расширению круга своих действий, т. е. было поделено на отделения или кружки под одним общим управлением;

- участники сообщества призывали к насильственным действиям;

- сообщество побуждало насильственными мерами других содействовать целям сообщества.

Усиление революционно-террористического движения в России, особенно в последней четверти XIX века настоятельно требовало дальнейшего развития законодательства, направленного на борьбу с политической преступностью. В частности, террористический акт, совершенный в 5 февраля 1878 г. народовольцем В. И. Засулич в отношении петербургского градоначальника генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова был квалифицирован судом как покушение на убийство частного лица на основании ст. 9 и 1454 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Суд присяжных вынес оправдательный вердикт, что побудило кабинет министров направить царю служебную записку о необходимости упорядочения отдельных законодательных положений, связанных с террористическими проявлениями. На основании представленных предложений, императорским указом все уголовные дела о вооруженном сопротивлении представителям власти, о нападении на чинов войска и полиции, и в целом на должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей, если эти преступления сопровождались убийством или покушением на убийство, нанесением ранений или увечий – направлялись на рассмотрение военных судов. Соответствующие деяния предусматривали наказание в виде лишения всех прав состояния и смертной казни согласно статьи 279 Устава воинского о наказаниях (1868 г.).

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. до начала XX века являлось основным нормативно-правовым актом, содержащим правовые нормы для борьбы с политическим терроризмом и

¹ ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XLIX. Отд. 1. № 53606.

экстремизмом. По оценке исследователей, оно представляло собой громоздкий и казуистический документ, содержащий 2224 статьи. Несмотря на существенные изменения Уложения в редакциях 1866 г. и 1885 г. оно осталось сложным в правоприменительной практике даже для юристов высшей квалификации¹.

Наряду с Уложением, правовое регулирование борьбы с политическим терроризмом и экстремизмом основывалось и на иных нормативно-правовых актах, прежде всего представленных актами чрезвычайного законодательства. В частности, «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», установленное Законом от 14 августа 1881 г., принятие которого в было вызвано в том числе усилением террористической активности народовольцев, жертвой которой в марте 1881 г. стал император Александр II. Для обеспечения внутренней безопасности государства с данного периода власти также были вынуждены прибегать к применению военной силы и объявлению военного положения в отдельных местностях. Действие общегосударственного уголовного законодательства приостанавливалось и реализовывались военно-правовые нормы. Дела о политическом терроризме и экстремизме рассматривались военно-полевыми судами, по законам военного времени. Применялись нормы воинских уставов (Устав воинский о наказаниях), приказов и распоряжений Военного министерства.

Политика контрреформ Александра III была основана на ужесточении охранительной политики государства. Вследствие этого, в 1885 г. была принята новая редакция «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных»². Касаясь политических преступлений, гл. I третьего раздела (ст. 241–248) с незначительными изменениями дублировала содержание статей 263–270 Уложения 1845 г. Например, в новой редакции в ч. 3 ст. 245 предусматривалось заключение в крепости сроком от 1 года 4 месяцев до 2 лет 8 месяцев, тогда как в предыдущей редакции срок составлял от 2 до 4 лет. В ст. 246 появилась вторая часть, а вторая часть ст. 268 в редакции 1845 г. стала третьей ее частью. В статье было предусмотрено уголовное наказание за произнесение, хотя и заочно, оскорбительных слов против императора: «Дозволивший себе означенные в сей статье дерзкие слова и поступки заочно, без прямого намерения возбудить неуважение к Священной Особе Государя Императора, приговаривается: к заключению в крепости на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев». В редакцию 1885 г. была включена статья 244¹: «За всякое насилие против караула или часовых, охраняющих

¹ Гогин А. А. Правовые основы борьбы с терроризмом в дореволюционной России // Международный научный журнал «Символ науки». 2016. № 12. С. 71.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. СПб., 1901. С. 102.

Священную Особу Государя Императора и Членов Царского Дома, виновные подвергаются наказаниям, определенным в ст. 241–244 за преступления государственные» (лишение всех прав состояния и смертная казнь). Некоторые изменения были внесены первое отделение («О бунте против Власти Верховной») второй главы третьего раздела «О бунте против Власти Верховной и государственной измене». Например, содержащиеся в прежней редакции сроки заключения в крепости в третьей части ст. 251 (прежней статьи 273) от 2 до 4 лет снижены на сроки от 1 года 4 месяцев до 2 лет 8 месяцев; в третьей части ст. 252 (прежняя статья 274) срок заключения от 1 до 2 лет заменен сроком от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев. В ст. 249 (в сравнении со ст. 271 Уложения 1845 г.) были включены нормы о наказании и за преступления: «Когда означенное в ст. 249 злоумышление открыто правительством заблаговременно, так что ни покушений, ни смятений, ни иных вредных последствий не произошло, однако виновные обнаружили умысел действовать для достижения своей преступной цели насильственно, то они вместо смертной казни приговариваются, смотря по большей или меньшей важности преступного их умысла, по степени их участия в заговоре и другим обстоятельствам дела: к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на время от 12 до 15 лет, или же на время от 10 до 12 лет». Изменениям подверглось содержание ст. 250 в сравнении с редакцией аналогичной ст. 272 (Уложение 1845 г.), первая и вторая части которой вошли в первую часть ст. 250. Кроме того, в части второй закрепляется новая норма: «Если же виновные не обнаружили умысла действовать насильственно, но составили сообщество, направленное к достижению, хотя и в более или менее отдаленном будущем, целей, указанных в ст. 249, или вступили в подобное сообщество, то они, смотря по степени их участия в сообществе и другим обстоятельствам дела» подвергались наказанию от лишения всех прав состояния и ссылки на каторжную работу сроком от 4 до 6 лет или ссылки в Сибирь на поселение до лишения некоторых особенных прав и преимуществ и заключения в крепости до 4 лет. Это свидетельствует об усилении карательной политики царизма против членов революционных организаций, возникавших в 70-х – начале 80-х годов XIX века. С одной стороны, если против них можно было применить нормы ст. 249 или части первой ст. 250, например, в отношении народовольческих организаций и кружков, то в отношении других, например, народников, членов рабочих организаций, деятельность которых не попадала в правовое поле действия этих статей, можно было судить по уголовно-правовым нормам, содержащимся во второй части ст. 250¹. Статьи 251–252 предусматривали уголовную ответственность за составление, печатание и распространение печатной продукции

¹ См.: Казарян П. Л. Указ. соч.

антигосударственного содержания, направленной против монарха и существующего в империи порядка правления, за произнесение публичных речей против монарха и власти и т. д. (аналогично статьям 273–274 Уложения 1845 г.). Новеллой стала ст. 252¹: «Когда распространение указанных в ст. 251 и 252 преступных объявлений, воззваний, сочинений или изображений, или же означенное в сих статьях публичное произнесение речей, последовали в среде войска, а равно когда упомянутые объявления, воззвания, сочинения или изображения составлены с целью распространения их среди военнослужащих, то наказания, определенные за сие преступления, возвышаются на две степени». Некоторому сокращению подверглась глава первая «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оного властям» четвертого раздела «О преступлениях и поступках против порядка управления» (с 18 до 14 статей, с включением ст. 295, 298, 299, 300 Уложения редакции 1845 г. в «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»). Статьи 262–275 Уложения редакции 1885 г. содержали уголовно-правовые нормы ст. 283–297 прежней редакции лишь с некоторыми отличиями: сроки тюремного заключения были снижены на одну треть; формулировка о ссылке в Томскую и Тобольскую или Иркутскую и Енисейскую губернии (ст. 287, 290–293) заменяется на формулировку о ссылке «на жительство в Сибирь» или «ссылается на жительство в Сибирь».

В целом, нормы, имеющие отношение к политическим преступлениям в Уложении 1885 г., в сравнении с ранее действующей редакцией существенных изменений не претерпели.

Террористические акты совершались революционерами против государственных деятелей и высокопоставленных чиновников и имели целью прекращение политической деятельности последних. Так как уголовное законодательство России не предусматривало специальных наказаний за терроризм, уголовная ответственность за террористические акты (если они не были направлены против представителей царствующей династии) поначалу наступала как за преступления против жизни и здоровья частных лиц. Согласно статистическим данным, только за относительно небольшой по историческим меркам период времени, с 1 июня 1881 года по 1 января 1888 года на территории Российской империи департаментом полиции было зарегистрировано 1500 уголовных дел по фактам совершения актов политического терроризма в отношении 3046 человек.

§ 2. Уголовная ответственность за преступления террористической направленности по законодательству Российской империи начала XX века

В начале XX века ситуация мало изменилась, лишь наказания за терроризм стали значительно жестче (особенно в связи с деятельностью военных судов). С 1901 по 1911 год боевики совершили 263 теракта, жертвами которых стали 2 министра, 33 генерал-губернатора, губернатора и вице-губернатора, 16 градоначальников, полицмейстеров, прокуроров, 7 генералов и адмиралов.

Социально-экономические и общественно-политические преобразования в России конца XIX – начала XX века оказывали непосредственное воздействие на существующее законодательство. Император Николай II признавал, что «изменившиеся под влиянием этих преобразований условия народной жизни вызвали необходимость привести в соответствие с ними уголовные законы»¹. Подготовку нового Уголовного уложения осуществляла Особая комиссия. Оно было утверждено императором 22 марта 1903 г. после обсуждения в Государственном совете². Новое Уголовное уложение по причинам политическим не действовало в полном объеме. В силу этих обстоятельств в начале XX столетия продолжали применяться правила Уложения 1845 г. Некоторые статьи, главы и разделы Уложения вводились в действие отдельными императорскими вердиктами. Так глава III Уложения «О бунте против Верховной Власти и о преступлениях против Священной особы Императора и членов Императорского двора» была обнародована в связи с многократным усилением политического терроризма и экстремизма в условиях первой русской революции 1905–1907 гг. За «посягательство на жизнь, здравие, свободу или вообще на неприкосновенность Священной Особы Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола» (ч. 1 ст. 99) а также за приготовление к его совершению (ч. 3 ст. 101) предусматривалось наказание в виде смертной казни. Формулировка соответствующих норм позволяла правоприменителю осуществлять расширительное их толкование, что вызывало критику демократически настроенной юридической общественности в России, основанную, в том числе, на законодательстве европейских стран, четко дифференцировавшем наказания, в зависимости от стадии совершения преступления.

В то же время в качестве положительных моментов Уложения А. А. Гогин отмечает оправданную суровость уголовно-правовых санкций в отношении политических террористов и экстремистов, чья деятельность

¹ ПСЗ. Собр. 3-е. Т. XXIII. № 22703.

² ПСЗ. Собр. 3-е. Т. XXIII. № 22704.

была направлена против территориальной целостности Российской империи. Сепаратистское движение наиболее проявлялось в Великом княжестве Финляндском, царстве Польском и в прибалтийских провинциях. Согласно ст. 100 Уложения: «виновный в насильственном посягательстве на изменение в России или в какой-либо ее части, установленных Законами Основными образа правления или порядка наследования Престола или на отторжение от России какой-либо части, наказывается смертной казнью»¹.

По мнению исследователей, применение норм чрезвычайного и военного законодательства способствовало восстановлению «внутреннего спокойствия» в Российской империи, в том числе благодаря использованию воинских команд и военно-полевых судов в борьбе с политическим терроризмом и экстремизмом².

Основу Уложения 1903 г. составило Уложение в редакции 1885 г. При этом была переработана структура документа и компоновка нормативного материала. Законодатель стремился к распространению уголовно-правовых норм на более широкий спектр деяний не столько путем раздробления их по отдельным составам, сколько наиболее полной и точной квалификацией уголовно-наказуемых деяний. В Уложении 1903 г. отсутствуют разделы, статьи сведены в главы. В главе третьей «О бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома» рассматриваются составы преступлений, которые в редакциях Уложений 1845 г. и 1885 г. излагались в двух отдельных главах.

Статья 99 предусматривала смертную казнь за посягательство, как за совершенное, так и за «покушение на оное», на жизнь, здоровье, свободу и на неприкосновенность, в т. ч. и престола, императора, императрицы и наследника. К такому же наказанию третья часть ст. 101 приговаривала тех, кто вел приготовления для совершения этих преступлений.

Виновных в посягательстве на изменение в России, в целом, или в ее отдельных регионах установленных законами образа правления, порядка престолонаследия или на отторжение от империи какой-либо ее отдельной части ч. 1 ст. 100 приговаривала к смертной казни. Если же указанные в первой части статьи деяния обнаружены на стадии приготовления и не нанесли особого вреда, то ч. 2 ст. 100 предусматривала для виновных срочную каторгу.

¹ Гогин А. А. Указ. соч. С. 73; Амиров Р. З. Обеспечение внутренней безопасности Российского государства (проблемы взаимодействия армии, органов внутренних дел и внутренних войск) : историко-правовой анализ : учебное пособие. Уфа, 2013.

Первая часть ст. 101 для виновных в приготовлениях, к совершению перечисленных в ст. 100 деяний, предусматривала каторгу сроком не свыше 10 лет, а если они имели в своем распоряжении взрывчатку или оружие, то вторая часть статьи предусматривала для них срочную каторгу.

По делам политического характера, связанным, прежде всего, с деятельностью революционных партий и организаций, широкое применение в судебной практике получили уголовно-правовые нормы ст. 102. Согласно ч. 1 статьи: «Виновный в участии в сообществе, составившемся для учинения тяжкого преступления, ст. 100 предусмотренного, наказывается: каторгою на срок не свыше восьми лет». Если в распоряжении преступного сообщества имелись «средства для взрыва или склад оружия», то ч. 2 предусматривала срочную каторгу для его участников. Согласно ч. 3 ст. 102 «виновный в участии в сообществе, составившимся для учинения тяжкого преступления, ст. 99 предусмотренного», наказывался бессрочной каторгой. Часть 4 ст. 102 гласила: «Виновный в подговоре составить сообщество для учинения тяжкого преступления, статьями 99 или 100 предусмотренного, или принять участие в таком сообществе, если последнее не составилось», предусматривала наказание в отношении ст. 99 – каторгу сроком не свыше 8 лет; ст. 100 – ссылку на поселение.

Статьи 103–107 содержали уголовно-правовые нормы о преступлениях в отношении широкого круга лиц – от императора царствующего до памяти усопших царствовавших дедов и широкий диапазон действия: от словесных оскорблений до посягательства на жизнь члена императорского дома. Первая часть статьи 103 предусматривала наказание в виде ссылки на каторгу сроком не свыше 8 лет за оскорбление императора или императрицы и наследника престола, или «в угрозе Их Особ», надругательство над их «изображениями, учиненных непосредственно или хотя и заочно, но с целью возбудить неуважение к Их Особе, или в распространении, или публичном выставлении с тою же целью сочинения, или изображения, для Их достоинства оскорбительных». Те же составы преступлений в отношении членов императорского дома наказывались по ч. 1 ст. 106 ссылкой на поселение. За преступления, перечисленные в ч. 1 ст. 103, совершенные даже публично, «но без цели возбудить неуважение» к царствующим особам, вторая часть этой статьи предусматривала наказание в виде заключения в крепости. Те же действия, совершенные в отношении членов императорского дома, наказывались заключением в крепости на срок не свыше трех лет (ч. 2 ст. 106).

Оскорбления в отношении царствующих особ (ч. 3 ст. 103) и в отношении членов императорского дома (ст. 106) предусматривали наказание в виде ареста для тех, кто заочные оскорбления, угрозу или надругательство учинил по неразумению, невежеству или в состоянии опьянения. Статья 104 предусматривала два состава преступления:

1) составление сочинений, изображений, содержащих оскорбление и угрозу в адрес царствующих особ с целью публичного распространения, но при условии, что это не состоялось;

2) размножение, хранение или провоз из-за границы указанных в первом пункте сочинений, если опять же не последовало их распространения; назначалось общее для обоих составов наказание в виде заключения в крепости на срок не свыше трех лет.

По ст. 105 посягательство на жизнь членов императорского дома каралось смертной казнью. При совершении в отношении этих лиц «иногo насильственного посягательства» согласно ч. 2 ст. 105 назначалось наказание в виде срочной каторги или ссылки на поселение. Часть 3 ст. 105 предусматривала наказания в виде каторги без срока, ч. 4 ст. 105 определяла в отношении виновных «в приготовлении к посягательству на жизнь Члена Императорского Дома или в участии в сообществе, составившемся для учинения такого посягательства» в виде ссылки на поселение. Умышленное оскорбление памяти усопших предков императора публичным путем (в печати и т. п.) наказывалось заключением в крепости сроком до трех лет (ч. 1 ст. 107). Те же деяния без умысла карались арестом на срок до трех месяцев (ч. 2 ст. 107).

Глава пятая Уложения 1903 г. «О смуте» (ст.ст. 120–137) также включала положения о политических преступлениях экстремистского характера. Статья 121 предусматривала наказание за участие в публичном скопище с целью выразить неуважение к верховным властям, против существующего порядка управления и престолонаследия или разрушение существующего в стране общественного строя и т. д., в первой и второй части от заключения в тюрьму от 6 месяцев и более, до заключения в крепости до трех лет. Третья же часть этой статьи предусматривала: «Если же для расселения такого скопища была призвана вооруженная сила, то не оставивший оногo, после предъявленного, в присутствии вооруженной силы, требования разойтись, наказывается: ссылкой на поселение или заключением в исправительный дом».

Как участие в скопище ч. 1 ст. 123 квалифицировались следующие деяния:

а) оказание сопротивления войскам, призванным рассеять скопище или нападение на военный караул, часового;

б) захват и разграбление складов оружия и боеприпасов, других военных объектов, учреждений связи, казначейства, акционерных обществ;

в) насильственное действие против охраны мест заключения и освобождение из-под стражи арестованных;

г) применение во время совершения этих действий взрывчатых веществ.

Наказание устанавливалось в виде ссылки на каторгу не свыше 8 лет. К организаторам и руководителям деяний, указанных в первой части, в соответствии с ч. 2 ст. 123 применялась санкция в виде срочной каторги.

В судебной практике рассматриваемого периода значительное распространение получила ст. 126 для противодействия антиправительственным организациям, в том числе, использующим террористические методы политической борьбы. Политический терроризм заметно усилился в условиях вооруженных антиправительственных выступлений в годы первой русской революции. По данным полиции в период с мая 1905 г. по май 1906 г. были убиты и ранены 1 273 человека, в том числе представители органов государственной власти: 8 генерал-губернаторов и градоначальников, 21 начальник полиции, 55 чинов жандармерии¹. Зачастую террористические сообщества того времени совершали преступления с использованием взрывчатых веществ или метательных снарядов. Учитывая это, Уложение 1903 г. фактически выделило участие в террористических сообществах в отдельный состав преступления. Так, ст. 126 Уложения гласила, что наказуемо каторгой на срок до 8 лет или ссылкой на поселение соучастие в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинении тяжких преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов. Часть 2 ст. 126 предусматривала квалифицирующий признак, усиливающий ответственность за участие в террористическом сообществе, если такое сообщество заведомо имело в своем распоряжении средства для взрыва или склад оружия.

Статья 128 предусматривала ссылку на поселение для виновных в оказании «дерзостного неуважения Верховной Власти или в порицании установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола произнесением или чтением, публично, речи или сочинения или распространением или публичным выставлением сочинения или изображения». Если данное преступление имело публичный характер, то в соответствии со ст. 132 каралось заключением в крепости сроком до трех лет.

Статья 129 предусматривала наказание за противоправные деяния, выразившиеся «в произнесении или чтении, публично, речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения», имевшими целью:

- а) возбуждение бунта или измены;
- б) ниспровержение существующего общественного строя;
- в) неповиновение властям и законам;

¹ Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX - начало XX в.) : сб. документов / сост. В. И. Кочанов. М., 2001. С. 249.

г) совершение иных тяжких по своим последствиям деяний.

В тех случаях, когда в результате указанных деяний возникала опасность для жизни людей или они приводили к совершению тяжких по своим последствиям деяний, виновный приговаривался по первым двум пунктам к каторге до 8 лет, по третьему и четвертому – к заключению в исправительный дом (если законом не предусматривалось более строгое наказание).

За «распространение, непублично, учений или суждений» ст. 130 предусматривала широкий круг деяний и уголовно-правовых санкций.

Пропаганда, т. е. распространение «учений или суждений» с целью организовать бунт или ниспровержение существующего в стране общественного строя среди сельского населения, войск, рабочих и вообще всех тех лиц, у которых эта пропаганда не могла, по мнению законодателя, «встретить надлежащего противодействия», наказывалась ссылкой виновных на поселение. Если же эта пропаганда повлекла за собой возникновение ситуации, угрожающей жизни людей, или привела к «учинению тяжкого преступления», то для виновных устанавливалось наказание в виде каторги сроком до 8 лет.

Если указанная в ст. 130 пропагандистская деятельность среди военнослужащих имела целью подстрекательство воинских чинов к нарушению обязанностей военной службы, то ч. 1 ст. 131 предусматривалось наказание в виде ссылки на поселение, а ч. 2 ст. 131 – каторги сроком до 8 лет. Согласно ст. 134 для самозванцев, если «самозванство и распространение такого слуха вызвало угрожающее общественной безопасности волнение народа или волнение среди войска», устанавливался такой же срок каторги.

Уголовно-правовая ответственность за организацию и участие в террористическом сообществе на протяжении длительного времени наступала по статьям о противозаконных сообществах, создание и участие в которых квалифицировалось как государственное преступление. Уложение 1903 г. на основании применения террористическими сообществами особого способа совершения преступления (взрывчатые вещества и снаряды) выделило участие в террористическом сообществе в отдельный уголовно-наказуемый состав преступления¹.

Анализ российского уголовного законодательства показывает, что политическим преступлениям было посвящено достаточно большое количество статей. Свод законов уголовных 1833 г. содержал 19 статей, предусматривающих наказания за политические преступления, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – 37 статей, Уложение о

¹ Матюшов А. М. Законодательство Российской империи об уголовной ответственности за организацию террористического сообщества или участие в нем // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 195.

наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. – 22 статьи, Уголовное уложение 1903 г. – 28 статей. При этом имелась тенденция к снижению количества статей, предусматривающих смертную казнь за совершение таких деяний: в Своде законов уголовных 1833 г. – 8 статей, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – 7, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. – 6, в Уголовном уложении 1903 г. – 4. Суровость уголовного законодательства в отношении политического экстремизма и терроризма во многом определялась сакральным самодержавным характером государственной власти. Политическим преступлением являлось не только само противоправное деяние, но и умысел на его совершение.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие причины обусловили ужесточение отечественного законодательства, направленного на противодействие политическому экстремизму и терроризму в конце XIX – начале XX века?

2. Перечислите основные нормативно-правовые акты конца XIX – начала XX века, содержащие правовые нормы, направленные на противодействие политическому экстремизму и терроризму?

3. Какие составы преступлений законодательство Российской империи относило к разряду политических и экстремистских?

4. Перечислите самые распространенные наказания для политических преступников в конце XIX – начале XX века?

Глава 2. ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА, НАПРАВЛЕННЫХ НА ВЫНЕСЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

§1. Высылка и ссылка по уголовному законодательству Российской империи конца XIX – начала XX века

Современные глобальные проблемы в виде политического терроризма и экстремизма, подрывающие конституционные устои многих государств мира, уходят своими корнями глубоко в прошлое. В разные исторические эпохи принятие необходимых государственных решений достигалось путем насильственных методов политической борьбы против высших должностных лиц или мирного населения. Даже в конце XX в. международный терроризм в форме революционной деятельности политических и общественных сил продолжал сохраняться как крайнее проявление политического экстремизма, обусловленного резким усилением социальной напряженности¹. Изучение историко-правовых аспектов отечественного законодательства, направленного на противодействие терроризма и экстремизма, позволит современной юридической науке выработать эффективные методы профилактики и пресечения подобных преступлений.

Российский революционный терроризм конца XIX – начала XX века вышел за привычные рамки политического убийства. Формами революционного насилия, попадающими под широкую трактовку дефиниции «терроризм», стали экспроприации, вооруженные нападения, похищения и шантаж². Теракт служил выражением агитационного или устрашающего послания власти царизма, что выразилось в осуществлении эксцитативной (активизирующей, возбуждающей народные массы) функции терроризма³.

Проанализировав политические взгляды террористов, председательствующий на процессе по делу об убийстве 1 марта 1881 г. императора Александра II прокурор Н. В. Муравьев в своей обвинительной речи озвучил мысли о форме, путях и средствах предпринятой террористами борьбы: «Форма – это террор, пути – политические убийства, а средство – динамит целая система взрывов и взрывчатых

¹ Грачев А. С. Тупики политического насилия : Экстремизм и терроризм на службе международной реакции. М., 1982. С. 3.

² Бакаев А. А. Историография российского революционного терроризма конца XIX – начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Российский ун-т дружбы народов. М., 2005. С. 5.

³ См. Там же. С. 3–4.

приспособлений»¹. В советской историографии под понятие террористических и экстремистских выступлений подгонялись все формы революционной борьбы трудящихся и угнетенных масс за социальное и национальное освобождение. Само понятие политического экстремизма использовалось для того, чтобы соединить несоединимое – отождествить насилие революционное с уголовным, преступным².

Многочисленные работы по проблемам политического терроризма в Российской империи на рубеже веков позволяют выявить основные причины зарождения в России революционного терроризма: жесткая репрессивная политика властей, отсутствие гражданских прав и свобод, возможностей легально бороться за свои интересы, влияние революционной социалистической идеологии, отсутствие парламентских традиций³. В этих условиях, долгие годы насилие воспринималось как допустимый метод решения конфликта между политическими движениями, вынужденными оставаться в подполье, и верховной властью. Исследования проблем русского революционного терроризма продолжаются. В последние годы исследователи обращаются к таким темам как антитеррористическая деятельность царской полиции⁴, участие губернских жандармских управлений в борьбе с революционерами⁵ и др.

Социальную базу русского революционного терроризма составлял радикально настроенный рабочий класс, интеллигенция и студенчество. Средний возраст террористов составлял 20–30 лет. Примечательно, что в экзаменационном вопроснике по «Истории революционного движения в России», которую заступающие на службу жандармы изучали на 3–6 месячных курсах по 8 часов в неделю, на вопрос «Кто есть главный враг царя и отечества?» должны были без запинки ответить: «Большевики, жида и студенты»⁶. Действительно, значительная часть студентов, исключенных из университетов за участие в «беспорядках», стала убежденными членами террористических групп и организаций,

¹ История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 115.

² Грачев А. С. Политический экстремизм. М., 1986. С. 7.

³ Мухаметов П. А. Правовой статус и положение политических заключенных в Уфимской и Оренбургской губерниях в конце XIX – начале XX в. // Политические, социально-экономические и межэтнические процессы в пограничных регионах России в XVI – начале XX вв. : материалы Международной научно-практической конференции (г. Уфа 1–4 июня 2020 г.) / отв. ред. Р. Г. Буканова. Уфа : Мир печати, 2020. С. 321.

⁴ Асеев И. А. Антитеррористическая деятельность полиции в дореволюционной России (1901–1917 гг.): монография. Уфа, 2010.

⁵ Хакимов С. Х. Судебные и правоохранительные органы // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2 т. : Т. I. Уфа, 2006.

⁶ Неизвестная Россия. XX век. Книга вторая. М., 1992. С. 352.

выступающих за насильственные действия против власти¹. Политический состав террористов был представлен такими партиями как РСДРП, Бунд, эсеры и др.

Методы, с помощью которых царизм пытался противостоять терроризму, видоизменялись вместе с его видами и формами. В разные годы компетенцией политического сыска и расследования политических преступлений обладали III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия, Департамент полиции Министерства внутренних дел, Отдельный корпус жандармов. Автор же предполагает проанализировать уголовное и процессуальное законодательство царского правительства, а также правотворческую деятельность императоров Александра III и Николая II, направленную на противодействие политическому терроризму и экстремизму. Мы можем условно разделить развитие материальных норм отечественного законодательства, направленных на противодействие терроризму и экстремизму в рассматриваемый исторический период на два периода. А именно: 1-й период начался в 1885 г. с принятием новой редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) и закончился в 1903 г. после утверждения императором Николаем II нового уголовного уложения. Следующий, 2-й период пришелся на 1903–1917 гг., на время действия нового уголовного уложения, вплоть до его отмены революционными событиями февраля-октября 1917 г.

Раздел третий Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. «О преступлениях государственных» содержал в себе нормы права, направленные на охрану жизни, здоровья и чести императора. Так, ст. 241 указанного Уложения предусматривала состав преступления в виде «всякого злоумышления» и преступного действия против жизни, здоровья или чести Государя Императора, а также за любой умысел свержения его с власти, ограничение его права власти или любое насилие по отношению к нему. Санкция за подобное преступление была безальтернативна – смертная казнь с лишением всех прав состояния (лишение прав сословных, служебно-политических, семейных и имущественных)².

Уголовное уложение 1903 г. было более прогрессивным по сравнению с подобным нормативным правовым актом 1885 г. Во-первых, в ст. 13 Уложения законодатель дает определение понятию «политический преступник», в качестве которого понимался преступник, «учинивший деяния», направленные на изменение, в том числе насильственными средствами, существующей формы правления, посягающие на основные

¹ Асеев И. А. Борьба с террором в дореволюционной России: историко-правовой альманах. Уфа, 2014. С. 10.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: издание 1885 г. // Свод Законов Российской империи : издание неофициальное. В. 16 т. Т. 15. СПб., 1912. С. 27.

начала государственного устройства страны¹. Во-вторых, в главе третьей «О бунте против Верховной Власти и о преступных деяниях против Священной Особы Императора и Членов Императорского Дома в ст. 99 содержались нормы права, охраняющие такие объекты правоотношений как жизнь, здоровье, свободу или вообще неприкосновенность Священной Особы Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола, не только посягательства, но и от покушения в этих деяниях. В качестве субъектов данного состава преступления могли выступать как российские граждане, так и иностранцы, пребывающие в России, и даже виновные в таких преступлениях, находящиеся за границей².

Перед правоприменительными органами Российской империи стояла задача осуществления закрепленных в материальных нормах предписаний. Мощным толчком для внесения прогрессивных изменений в уголовный процесс по делам политических преступников стала судебная реформа Александра II в 1864 г.

По судебным уставам 1864 г. государственные преступления в России должны были рассматриваться в общем порядке уголовного судопроизводства – либо судебными палатами, либо (в исключительных случаях, по высочайшему повелению, «когда обнаруживается в разных краях государства общий заговор против Верховной власти, или против установленного законами образа правления, или порядка наследия престола») Верховным уголовным судом. Дознание (т. е. первоначальное расследование с целью установить самый факт преступления) и предварительное следствие возлагались на членов судебных палат и специально назначаемых следователей под присмотром лиц прокурорского надзора. 19 мая 1871 г. вышел закон, согласно которому производство дознаний о политических делах отныне передавалось жандармам, хотя формально и под наблюдением чинов прокуратуры³. Но уже в 1872 г. политические дела в значительной степени были изъяты из общего порядка судопроизводства и переданы Особому присутствию Правительствующего Сената⁴.

После проведения судебной реформы 1860-х годов стали все более осложняться отношения между III Отделением и судебной властью, стремившейся следовать букве закона и в ряде случаев препятствовать

¹ Уголовное уложение. 22 марта 1903 г. Неофициальное издание. С мотивами извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представленной Министерством Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. СПб., 1904. С. 24.

² Там же. С. 185.

³ Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976. С. 99.

⁴ См.: Там же. С. 101.

полицейскому произволу¹. Жандармерия, ощущая свою исключительную роль в противостоянии революционным силам, часто нарушала законность процессуальных действий по привлечению политических преступников к юридической ответственности.

Во исполнение Закона «О временном изменении подсудности и порядка производства дел по некоторым преступлениям» от 9 мая 1878 г. из подсудности суда присяжных был выведен ряд преступлений, в том числе дела об убийствах или покушениях на убийство должностных лиц, нанесении им ран, увечий при исполнении ими служебных обязанностей. Принятие этого закона можно объяснить неожиданным для властей исходом громкого политического дела В. Засулич, как известно, оправданной по обвинению присяжными.

Последующее изменение правовых основ ареста лиц, подозреваемых в государственных преступлениях, в том числе политических террористов, произошло после принятия закона 1 сентября 1878 г., установившего временный порядок ареста вышеуказанных лиц чинами Корпуса Жандармов, полицмейстерами и уездными исправниками, без участия чинов прокурорского надзора. Последствиями этого закона являлись усиления противоречий между деятельностью Министерства юстиции, жандармов и полиции. Это выразилось нарушениями жандармов и полиции в части неприкосновенности судебных приговоров и законного движения судебных дел. В этих условиях статс-секретарь Михаил Семенович Каханов (1833–1900 гг.) рекомендовал начальнику Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликову дать указание Жандармскому ведомству о применении закона от 1 сентября 1878 г. в исключительных случаях, при невозможности применения порядка, установленного 19 мая 1871 года².

Показателями размаха и ожесточенной борьбы революционного лагеря с царизмом может служить количество политических процессов по делам террористов. С 1871 по 1890 год их прошло больше 200, причем многие (процесс нечаевцев, «50-ти», «193-х», Веры Засулич, «16-ти», первомагтовцев, «20-ти» и др.) возымели громкий международный резонанс³. В Уфимской губернии, только в период с 1903 по 1907 год эсеровскими террористами были убиты губернатор (Н. М. Богданович) и тюремный инспектор Клобе, еще два губернатора в результате покушения были ранены (И. Н. Соколовский, А. И. Келеповский)⁴.

¹ МВД Российской империи: 1802–1917 // МВД России : Люди, структура, деятельность. Т. I. Ч. 1. М., 2011. С. 115.

² Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.) : сборник документов. М., 2001. С. 77.

³ Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976. С. 6.

⁴ Памятная книжка социалиста-революционера. Выпуск II. Париж, 1914. С. 8–15.

Таким образом, реформирование отечественного законодательства, направленного на противодействие политическому терроризму и экстремизму на рубеже XIX–XX веков стало одним из основных направлений деятельности правотворческих органов Российской империи. Как показала отечественная история, введение даже самых жестоких мер уголовного наказания по политическим преступлениям не возымело успеха. Количество революционных терактов увеличивалось из года в год, вплоть до революционных событий 1917 г. Вне поля правового воздействия оставалась профилактика политических преступлений, которую невозможно было обеспечить одним ужесточением законодательства.

Ссылка как специальный вид наказания, заключающийся в насильственном переселении в определенную местность (чаще всего в отдаленную, малонаселенную, трудную для проживания – в этом и заключалось наказание) известна в отечественном уголовном законодательстве с XVI в.¹ С этого времени и вплоть до XX в. применение этой меры уголовной ответственности прошло длительный путь эволюции, и даже смена политического режима в 1917 г. не избавила Россию от ссылки. Как известно, любая мера наказания связана с определенными лишениями, которые вынуждена претерпевать личность правонарушителя (личные, имущественные и организационные). Все это непосредственно оказывает влияние на правовой статус личности, под которым в современной юридической науке понимается юридически закрепленное положение в обществе. В его основе лежит фактически социальный статус, т. е. реальное положение в обществе, а также совокупность прав и обязанностей личности.

«...Кроме официальной истории у Сибири есть еще другая, грустная история, через которую, от покорения Сибири вплоть до настоящего времени черной нитью проходят стоны ссыльных. Бездна страданий, которая скрыта в этих трех словах: «ссылка в Сибирь» – так ярко, но в то же время трагически и эмоционально повествует о сибирской ссылке известный ученый и революционер Петр Алексеевич Крапоткин². Этапирование ссыльных пешком, неделя за неделей – представляло собой жалкое зрелище. Известный русский художник Валерий Якоби (1834–1902 гг.), свидетель этой картины с детских лет, попытался передать эту трагедию в своем полотне «Привал арестантов» (1861, Государственная Третьяковская галерея). Ссыльные следовали в неизвестное, необжитое, а иногда и непригодное для жизни место нередко вместе с женами и детьми,

¹ Марголис А. Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки. М., 1995. С. 7.

² Крапоткин П. А. Тюрьмы, ссылка и каторга в России / пер. с англ. Вл. Кауфмана. СПб., 1906. С. 38.

часто болея в дороге или умирая так и не добравшись до нового места жительства.

Южный Урал, а конкретно Уфимская и Оренбургская губернии долгие годы оставались далекой периферией Российской империи, следовательно, и местом ссылки различных преступников. Исследованию этого вопроса отечественной истории посвящены работы И. М. Гвоздиковой¹. В последние годы этот вопрос получил достойное отражение в отечественной историографии в работах В. В. Латыповой² и С. А. Четверикова³. Однако исследователи в большей степени обращали внимание на фактические и обобщающие статистические данные, упуская из вида вопросы повседневной жизни ссыльных правонарушителей, трудности их обустройства на новом месте, ограничения в правах, необходимости соблюдения запретов и исполнения обязанностей.

В Уфе первыми политическими ссыльными были поляки, высланные после 3-го раздела Речи Посполитой (1795 г.)⁴. По мере освоения Сибири, Дальнего Востока и о. Сахалина значение Урала как региона для каторжных работ и ссылки снижается⁵. Тем не менее, использование в XVIII – начале XX вв. в обычной речи слова «ссылка» в первую очередь ассоциировалось с Сибирью и являлось собирательным образом всех территорий Российской империи, куда ссылались преступники. До строительства главной железнодорожной артерии Российской империи Транссибирской магистрали, транспортировка преступников до места отбывания ссылки осуществлялось по Московско-Сибирскому тракту. С 1886 г. всех преступников из привилегированных классов, ссылаемых по политическим причинам и за общие преступления, как в пределах Империи, где нет железнодорожного сообщения, так и в Сибири,

¹ Гвоздиков И. М. Оренбургская политическая ссылка на дворянском этапе освободительного движения в России // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX вв. Уфа, 1992. С. 28–41.

² Латыпова В. В. Польские ссыльные на Южном Урале после восстания 1863-1864 годов и их взаимоотношения с местным населением // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования Республики Башкортостан, 110-летию создания Башкирского государственного и 10-летию создания Региональной общественной организации «Общество дружбы Башкортостан – Болгария» / отв. ред. В. Л. Ибрагимов, Л. А. Кисилева. Уфа, 2019. С. 357–370.

³ Четвериков С. А. Польские политические ссыльные 1863 года в Оренбургской губернии // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2016. № 4. С. 22–26; Он же. Оренбургская политическая ссылка в 1820-1870-х годах : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / С. А. Четвериков. Оренбург, 2018.

⁴ Башкортостан : краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 539.

⁵ Аиткужин И. Р. Становление и развитие пенитенциарной системы в Башкирии в XIX веке // Вестник ВЭГУ. 2010. № 5. С. 114.

следовало этапировать на почтовых подводах¹. Это было сделано для того, чтобы ограничить визуальные контакты ссыльных преступников с гражданами.

Во второй половине XIX в. основной поток ссыльных и выдворенных в Уфимскую и Оренбургскую губернии составили политические преступники, причастные к Польскому восстанию 1863–1864 гг. Так, за участие в мятеже, нахождение в шайке мятежников или принадлежность к революционным организациям в 1863 г. в Оренбургскую губернию (в 1865 г. разделена на Уфимскую и Оренбургскую губернии) были высланы 1307 человек². О последующих масштабах царской ссылки в восточные регионы империи говорит хотя бы тот факт, что уже к 1893 г. в Сибирь ежегодно ссылалось до 10 тысяч разного рода преступников, и в некоторых местностях число приписанных ссыльных достигало почти половины числа коренных жителей³.

Применение ссылки как особой меры юридической ответственности потребовало нормативного регулирования правового статуса и социального положения ссыльных преступников. На первых этапах своего существования ссылка не предусматривала кумулятивных санкций в виде личных или имущественных лишений. Так, ссыльный заключенный на новом месте жительства пользовался всеми правами гражданина государства⁴. Впоследствии правовой статус политического ссыльного представлял собой совокупность запретов и юридических обязанностей. Нормативно все они были закреплены в многочисленных правовых актах царской России XIX – начала XX века.

Юридическое закрепление статуса ссыльного нашло свое отражение в Уставах о ссыльных, принятых в 1822, 1857, 1890 и 1909 годах. Устав о ссыльных 1822 г. оформил разделение ссылки на два вида: ссылку на каторжные работы (более строгое наказание) и ссылку на поселение. Благодаря участию в создании этого правового акта талантливого государственного деятеля М. М. Сперанского впервые в Российской империи была предпринята систематическая разработка вопроса о принудительной колонизации Сибири посредством ссылки и каторги.

В «Уложении о наказаниях» (1845) ссылка была установлена как одна из основных мер наказания за преступления как уголовные, так и политические. Кроме того, существовала и нередко применялась на

¹ Устав о ссыльных (тетр. 5 тома XIV Св. Зак., изд. 1857 г.). Исправленный и дополненный по продолжениям к Своду Законов, изданным в 1886, 1887 и 1889 гг. / сост. И. Сементовский. Томск, 1890. С. 7.

² Четвериков С. А. Польские политические ссыльные 1863 года в Оренбургской губернии // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 4. С. 26.

³ Тюремный вестник. 1893. № 2. С. 50.

⁴ Никитина Е. Ссылка 1905-1910 годов. (Историческая справка) // Сибирская ссылка. Сборник первый / под ред. Н. Ф. Чужака. М., 1927. С. 11.

практике административная ссылка. В 1857 г. Уставом о ссыльных юридически закреплён этот третий вид ссылки – административной, как особый вид ссылки «по высочайшему повелению» представителей власти (ей подверглись А. С. Пушкин, А. И. Герцен, Н. П. Огарёв и др.). Впоследствии Положением «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», утвержденным императором Александром III 14 августа 1881 г. право административной высылки предоставлялось министру внутренних дел и губернским властям без какого-либо суда и следствия. Этот нормативный правовой акт расширил и без того широкие полномочия генерал-губернаторов по привлечению к ответственности политических преступников.

Большой объём изменений в правовом статусе ссыльных преступников предусматривал Устав о ссыльных 1890 г. В первую очередь остро стоял и требовал решения семейный вопрос. Теперь ссыльным преступникам позволялось жениться на неосужденных женщинах с их согласия и отсутствия других законных препятствий (отсутствие действующего брака). С этого момента законная жена имела право следовать за мужем, как идущая по своей воле, и не могла быть отделена от мужа, но в то же время не подлежала строгости надзора (ст. 101)¹. В случае необходимости женам лиц, сосланных по суду и переселенных в Сибирь, добровольно пришедшим туда за мужьями, разрешалась временная отлучка во внутренние губернии Империи (ст. 758)².

Для поощрения ссыльных поселенцев к вступлению в брак и к оседлой жизни назначались особые денежные пособия как им самим, так и тем, кто вступит с ними в брак (ст. 678)³. Ссыльным мужчинам разрешались браки как с сосланными преступницами, так и с женщинами свободного состояния. Для стимулирования вступления в брак с ссыльными преступниками назначались из казны пособия – 50 рублей серебром женщине свободного состояния, которая выйдет замуж за поселенца, вступающего в Сибири в первый брак, и 15 рублей серебром поселенцу, вступившему в Сибири в первый же брак с ссыльной, и такая же сумма в виде денежной ссуды сроком на 10 лет.⁴

Нормативно регулировался также внешний вид ссыльных, который должен был свидетельствовать об их принадлежности к особой категории граждан. Поэтому ссыльным мужчинам, лишенным всех прав состояния, надлежало при отправлении их к месту ссылки брить половину головы. Во

¹ Устав о ссыльных (тетр. 5 тома XIV Св. Зак., изд. 1857 г.). Исправленный и дополненный по продолжениям к Своду Законов, изданным в 1886, 1887 и 1889 гг. / сост. И. Сементовский. Томск, 1890. С. 25.

² См.: Там же. С. 129.

³ См.: Там же. С. 112.

⁴ См.: Там же. С. 131–132.

время следования необходимо было также подбривать им волосы (ст. 337)¹.

Следует отметить, что царское правительство высоко ценило былые заслуги преступников. Люди разных состояний, имеющие знаки отличия, при переселении в Сибирь в административном порядке не лишались пожалованных им знаков отличия, а имели право на их ношение в ссылке (ст. 531)².

Для облегчения обустройства ссыльных преступников на новом месте законодательно были предусмотрены так называемые «налоговые каникулы». Например, поселенцы в первые три года по прибытии в Сибирь (ст. 738), освобождались от всяких податей, а в последующие 7 лет (если по уважению каких-либо особых обстоятельств не дано им более продолжительной льготы) платили половинный оклад подушных и оброчных денег с надбавкой 15 копеек для составления экономического капитала ссыльных, но земских и волостных повинностей с них в продолжении этого времени не взыскивалось. По истечении указанного срока (10 лет) поселенцы, принятые в общество крестьян с их согласия, так и не имеющие оседлости и не занимающиеся хлебопашеством, облагались всеми без исключения денежными и хлебными сборами и натуральными повинностями наравне с крестьянами³. Поселенцы, выслужившие свой срок, для причисления в государственные крестьяне, но имеющие увечья, неизлечимые болезни, не способные к уплате податей и являющиеся тяжестью для сельской общины, от налога освобождались с разрешения глав местных управлений после детального рассмотрения каждого конкретного обращения.

Не оказывались без внимания государства и дети ссыльных преступников, следовавшие со своими родителями на новое место жительства. В целях предотвращения опасности «впасть в пороки» в 1893 г. создано Уфимское общество земледельческих колоний и ремесленных приютов. Общество по мере своих средств открывало земледельческие колонии и ремесленные приюты, которые давали своим «питомцам» общее элементарное образование в духе веры и благочестия, заботясь как о религиозно-нравственном и умственном, так и о физическом их воспитании. В этих заведениях питомцев обучали земледелию и ремеслам. Кроме этого, общество занималось содействием нравственному исправлению несовершеннолетних обоюбого пола, приговоренных судом за преступления и проступки к наказанию, а также (в случае наличия

¹ Устав о ссыльных (тетр. 5 тома XIV Св. Зак., изд. 1857 г.). Исправленный и дополненный по продолжениям к Своду Законов, изданному в 1886, 1887 и 1889 гг. / сост. И. Сементовский. Томск, 1890. С. 64.

² См.: Там же. С. 86.

³ См.: Там же. С. 123.

свободных мест) «призрением» несовершеннолетних бесприютных и нищих¹.

Особо остро стоял вопрос с трудоустройством ссыльных преступников на новом месте. Ситуацию усложняло наличие среди преступников профессий и специальностей, не востребованных в регионе. Так, в 1865 г. на имя уфимского губернатора Григория Сергеевича Аксакова с докладной запиской обратился сосланный в мае 1864 г. в Уфу коллежский секретарь Тит Выбрановский. Указанный проситель до ссылки занимал должность гражданского инженера в г. Горках (в настоящее время Республика Беларусь) и преподавателя строительных наук в Горы-Горечком земледельческом институте (в настоящее время Белорусская государственная сельскохозяйственная академия). В результате антиправительственных выступлений в этом учебном заведении в апреле 1863 г. 26 студентов осудили на каторгу, 33 студента и преподавателя выслали за пределы Беларуси². Ссыльный преступник Т. Выбрановский жаловался на невозможность работать по специальности, что создавало бедственное для него положение. Приняв во внимание долгую и усердную службу отца Выбрановского, состоящего архитектором при Государственных конских заводах, Министр внутренних дел Российской империи Петр Александрович Валуев дозволил просителю возвратиться к родителям в Харьковскую губернию³. Еще один проситель, коллежский ассесор Август Тельшевский, сосланный в Уфу в июле 1864 г. под полицейский надзор за участие в польском восстании 1863 г., добивался разрешения возвратиться на родину в Гродненскую губернию, но получил лишь разрешение переселиться в Псков⁴.

Изменение правового статуса участников польского мятежа 1863 г. предусматривал манифест в ознаменование коронации Александра III (1883 г.). Так, политическим ссыльным, участникам указанных событий, предоставлялось право поступать на государственную и общественную службу⁵.

12 июня 1900 г. подписанный Николаем II закон «Об отмене ссылки на житие и ограничении ссылки на поселение» отменил ссылку как меру уголовной ответственности по всем преступлениям, кроме политических.

¹ Хакимов С. Х. Из истории деятельности детских пенитенциарных учреждений в дореволюционной России (историко-правовой аспект) // Актуальные проблемы права и государства в XXI в. : материалы Международной научно-практической конференции, 9-10 апреля 2009 года. Уфа, 2009. С. 45.

² Летопись Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (1840–2015 гг.). Горки, 2015. С. 35.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 26. Д. 1024. Л. 8-9.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 26. Д. 1013. Л. 1-2.

⁵ Иванов А. А. Законодательство о ссылке и его применение в Сибири во второй половине XIX века // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2011. № 4. С. 51.

В дальнейшем новое Уголовное Уложение, принятое 22 марта 1903 года, заложило основы применения принципа гуманности юридической ответственности за политические преступления. Уложение помимо таких традиционных мер уголовной ответственности, как смертная казнь (непубличная), денежный штраф, заключение (в исправительном доме, в крепости, в тюрьме) и арест, предусматривало каторгу и ссылку на поселение.

Последний в Российской империи Устав о ссыльных 1909 г. определял два рода ссылки по судебным приговорам: ссылка на каторжные работы и ссылка в местности, «к тому предназначенные». Правовой акт устанавливал Уфу как один из городов, входящих в главный ссыльный тракт, наряду с такими городами как Москва, Рязань, Ряжск, Пенза, Самара, Челябинск, а также с Сибирской и Забайкальской железной дорогой¹. Устав продолжил изменения правового положения преступников, подвергнутых ссылке. Так, лишение всех прав состояния сопровождалось для лиц дворянского сословия лишением личного и потомственного дворянства, а соответственно и всех связанных с этим привилегий. Для представителей духовенства привлечение к ссылке грозило исключением из духовного сана и лишением званий. Ссылка для преступников из числа почётных граждан (потомственных и личных), купцов предусматривала потерю «доброго» имени и всех преимуществ. Для людей прочих состояний ссылка сопровождалась потерей «доброго» имени и прав, в зависимости от того состояния, к которому они принадлежали².

Кроме того, приговорённые к каторге и ссылке на поселение утрачивали права участвовать в постановлениях и выборах сословных собраний, лишались права избирать и быть избранным в земские, городские и общественные собрания. Ссыльные преступники не могли состоять на государственной, сословной, земской, городской и общественной службе, на службе в армии или во флоте, не имели права занимать церковные должности, не могли выступать в качестве опекуна или попечителя. Определённого рода ограничения затрагивали профессиональную деятельность преступников, им запрещалось руководить, либо работать воспитателем или учителем в общественном или частном учебном заведении, а также пользоваться правами домашнего учителя. Ссыльные ограничивались в занятии должности третейского судьи, а также члена конкурсного управления или администрации, присяжного попечителя, присяжного заседателя, не могли быть присяжным поверенным или поверенным по делам, производящимся в государственных, сословных, земских, городских или общественных

¹ Устав о ссыльных (по изданию 1909 года) с разъяснениями правительствующего Сената / сост. Л. И. Марколя. Иркутск, 1911. С. 11.

² См.: Там же. С. 31.

установлениях. Не могли ссыльные и выступать свидетелем при договорах и актах, требующих свидетельской «скрепы», т. е. подтверждения¹.

Таким образом, основными элементами правового статуса политических преступников, подвергнувшихся судебной и административной ссылке на Южный Урал на рубеже XIX и XX вв., стали право для ссыльных на расторжение предыдущего брака и заключение нового, право на прошение в случае необходимости улучшения финансового положения, в некоторых случаях право на смену места отбывания ссылки, а также помощь и «призрение» несовершеннолетним членам семей ссыльных преступников (выразивших согласие на переселение). Однако такие явления как ссылка без суда, отсутствие должной медицинской помощи в пути следования, не приспособленные для содержания помещения в этапных населенных пунктах существенно подрывали доверие граждан Российской империи в справедливость правосудия и увеличивали разрыв между властью и обществом.

§ 2. Органы политического сыска Российской империи в конце XIX – начале XX века

Вторая половина XIX века характеризуется нестабильностью политической обстановки. В 40-е годы по Европе прокатилась волна политического террора. К 60-м годам она пришла в Российскую Империю в виде террористических актов на видных государственных деятелей: покушение В. Засулич на убийство Ф. Ф. Трепова (Санкт-Петербургский обер-полицмейстер, позже градоначальник) (1878 г.) из мести за порку политического заключенного народника А. С. Боголюбова; убийство Мезенцева Кравчинский как месть за его деятельность в должности шефа жандармов и начальника III Отделения; покушение А. Полторацкого на убийство генерал-губернатора Д. Ф. Трепова (1905 г.) на почве мести за принятые бывшим московским обер-полицмейстером меры к подавлению уличных беспорядков 5 декабря 1904 г. в Москве; убийство министра внутренних дел Д. С. Сипягина С. Балмашовым (1902 г.) и т.д.².

Расцвет органов политического сыска приходится на правление императора Николая I, что было объективно связано с восстанием декабристов. В сферу ведения «высшей полиции» входил широкий круг вопросов — от контрразведки до цензуры и должностных преступлений чиновников (см. приложение). Некоторые исследователи, такие как Ф. М. Лурье, считают, что система политического сыска начала складываться

¹ Устав о ссыльных (по изданию 1909 года) с разъяснениями правительствующего Сената / сост. Л. И. Марколя. Иркутск, 1911. С. 33.

² История органов внутренних дел : учебник. Екатеринбург, 2018. Ч. 1. С. 121.

еще при Алексее Михайловиче, когда было принято решение разработать новое законодательство¹.

Перейдем к анализу структуры органов политического сыска в период конца XIX века – начала XX века. Этот временной отрезок характеризуется наибольшей активностью полицейской организации по причинам участвовавших революционных брожений и народных выступлений, а также деятельности организаций соответствующего толка.

3. И. Перегудова предоставляет следующую структуру органов политического сыска на конец XIX – начало XX века:

1. Департамент полиции.
2. Особый отдел Департамента полиции.
3. Местные органы политического сыска.
4. Заграничная охранка².

Окончательное свое оформление система сыска получила 6 августа 1880 г., когда появился новый высший орган политической полиции. Им стал Департамент полиции, который входил в состав Министерства внутренних дел. Важную роль в его создании сыграл министр внутренних дел и шеф жандармов М. Т. Лорис-Меликов. Одна из основных целей создания Департамента ставилась работа по объединению всех полицейских органов под общим началом. В последующем Департамент полиции стал заниматься не только политическими делами, но и принял на себя руководство общей полицией.

Особенностью полиции Российской империи являлось ее деление на общую и политическую. Политическая полиция подчинялась Департаменту полиции напрямую. Общая полиция юридически подчинялась губернаторам, но в вопросах организации всей полицейской системы Российской Империи и непосредственного руководства зависела от Департамента. Этими вопросами занимались 1-е и 2-е делопроизводство. Бывший директор Департамента полиции, А. А. Лопухин, накануне 1917 г. высказался, что деление полиции на общую и политическую является своего рода «эксклюзивом» российского законодательства, и такое разделение не является нормальным, поскольку политические функции в себе вполне может содержать и общая полиция³.

Именно в это время происходит значимое реформирование органов спецслужб⁴. Если до ликвидации Третьего Отделения всеми функциями сыска заведовал один орган, то после 1880 года система стала представлять собой совокупность разных служб, которые выполняли конкретную

¹ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649 – 1917. М., 1998. С. 13.

² Перегудова З. И. Политический сыск в России (1880–1917). М., 2000. С.2.

³ Сунгуров П. А. Полиция Российской империи накануне революции 1917 г.: перспективы развития // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. С. 60.

⁴ Симбирцев И. Указ. соч. С. 7

деятельность: политическая внешняя разведка, государственная охрана, сыск и пр.

Первоначально Департамент государственной полиции состоял из трех делопроизводств – распорядительного, законодательного и секретного, позже появились и другие подразделения. К концу своего существования в феврале 1917 года их насчитывалось уже девять. Кроме перечисленных делопроизводств, в Департаменте полиции имелись еще два отдела – Инспекторский отдел (1908–1912 гг.), возглавляемый директором Департамента полиции и выполнявший ревизии полицейских учреждений, и Особый (политический) отдел (1898–1917 гг.) – главный штаб политического сыска¹.

14 августа 1881 года монарх утвердил Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (Положение об усиленной охране). Его авторами, кроме петербургского градоначальника Н. М. Баранова, были министр внутренних дел Н. П. Игнатъев, товарищи министра М. С. Каханов и П. А. Черевин, а также директор Департамента полиции В. К. Плеве. В соответствии с положением об усиленной охране все три отделения по охранению общественной безопасности и порядка были подчинены Третьему делопроизводству Департамента полиции².

В 1880 г. Отдельный корпус жандармов вошел в состав Министерства внутренних дел. Он был создан еще в 1827 году для выполнения функций политической полиции. Сам корпус представлял собой военное формирование. В 1867 году было принято Положение о Корпусе жандармов, которое вводило 10 губернских жандармских управлений (далее – ГЖУ). К началу XX века их число достигло уже 38-ми³.

Корпус состоял из Главного управления (штаба), 75 губернских и областных жандармских управлений. Основные функции жандармов регламентировались законом от 19 мая 1871 г. Главным в их деятельности становится дознание, а также политическое следствие⁴. Канцелярия жандармского управления делилась на несколько частей (общего руководства, розыскную, следственную, политической благонадежности и денежную части).

Нужно сказать, что на тот момент ГЖУ были практически единственными органами политической полиции на местах, которые

¹ Мойсинович А. М. Политический сыск в России в конце XIX – начале XX в. : лекции: для студентов, обучающихся по специальности «История». Ярославль, 2010. С. 14.

² Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913. С. 27.

³ Иванов А. В. Департамент полиции Министерства внутренних дел Российской Империи, 1880–1917 г. М., 2001. С. 15–17.

⁴ Тарасов Т. И. Полиция России. История, законы, реформы. М., 2011. С. 25.

постепенно переходили под власть Департамента полиции. Существовали и Охранные отделения, первое из которых появилось в 1866 году в Санкт-Петербурге. С постепенным ростом Охранных отделений появилась проблема разграничений полномочий между ГЖУ, так как могло быть совпадение районов, на которых осуществлялась деятельность в сфере политического сыска.

ГЖУ занималось осуществлением надзора и наблюдением за местным населением, информированием верховной власти о беспорядках, производством дознаний по делам о государственных преступлениях¹.

С 1902 года во всех крупных городах империи начали действовать Розыскные отделения, через год переименованные в Охранные отделения. Они создавались при полицейских управлениях, но подчинялись Особому отделу Департамента полиции и отчитывались в своих действиях только перед ним. В обязанности Охранных отделений входило обнаружение тайных типографий, запрещенной литературы, фальшивых документов, наблюдение за местами скопления людей и выявление умонастроений во всех слоях российского общества, а также розыск лиц, совершивших или могущих совершить противоправительственные действия.

В обязанности Охранных отделений входило обнаружение тайных типографий, запрещенной литературы, фальшивых документов, наблюдение за местами скопления людей и выявление умонастроений во всех слоях российского общества, а также розыск лиц, совершивших или могущих совершить противоправительственные действия.

Таким образом, там, где охранных отделений не было, политический сыск производился силами местных жандармских управлений и жандармских пунктов. Кроме жандармских подразделений, в восьмидесяти девяти городах империи действовали сыскные отделения, деятельность которых заключалась в негласном расследовании и производстве дознаний для предупреждения, устранения, разоблачения и преследования преступных деяний общеуголовного характера и всемерном содействии службам политической полиции.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. В каких нормативных правовых актах Российской империи нашло свое отражение юридическое закрепление статуса ссыльного?
2. Какие элементы составляли структуру органов политического сыска в период конца XIX века – начала XX века?
3. Что входило в обязанности охранных отделений?
4. Какой нормативно-правовой базой руководствовались жандармы?

¹ МВД Российской империи : 1802–1917 // МВД России: специальный выпуск. Люди, структура, деятельность. Т.1. Ч.1. М., 2011. С. 135–136.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рассматриваемом в учебном пособии периоде (конец XIX – начало XX века) террористические акты, как правило, совершались революционерами-народниками (позже представителями социал-революционеров) против государственных деятелей и высокопоставленных чиновников и имели своей целью прекращение политической деятельности последних и дестабилизацию политической обстановки в государстве. Поскольку уголовное законодательство России конца XIX века не предусматривало специальных наказаний за терроризм, уголовная ответственность за террористические акты (если они не были направлены против представителей царствующей династии) поначалу квалифицировалась как посягательство на жизнь и здоровье частных лиц. В начале XX века ситуация изменилась мало, однако карательная политика государства в отношении этих преступлений ужесточилась.

В российском уголовном законодательстве дореволюционного периода преступления террористической направленности относились к политическим преступлениям, т. е. преступным деяниям, угрожающим основам существующего строя и направленным против интересов государства. Подобная квалификация рассматриваемого в данной работе вида преступлений сохранилась и в последующий советский период.

Основной мерой наказания вплоть до начала XIX века русское уголовное законодательство за преступления террористической направленности предусматривало смертную казнь, как правило, квалифицированную. В XIX веке данные преступления наказывались в большинстве случаев ссылкой на каторгу либо на поселение с лишением всех прав состояния. Применение смертной казни за данный вид преступлений широко применялось также и в начале XX века в период первой русской революции по приговорам военно-полевых судов.

Несмотря на то, что в Российской Империи второй половины XIX – начала XX века не был создан соответствующий институционально-правовой режим по предупреждению терроризма, государственными органами предпринимались все меры по борьбе с ним, а именно совершенствовалось законодательство, внедрялась агентура в подпольные организации, организовывалось наружное наблюдение (филерская служба).

Организационно-правовые аспекты борьбы с террором в России в начале XX века заключались в выстраивании механизма борьбы с террором в условиях окончания первой русской революции, а также усложнением оперативно-розыскной практики работы подразделений Департамента полиции. Правовое регулирование агентурно-оперативной деятельности розыскных органов подчеркивало важное значение секретной агентуры в организации борьбы с террором в России.

Начало XX века характеризуется эволюцией нормативной базы агентурной работы розыскных органов, реформированием политического розыска и осуществлением профилактики политического терроризма. Однако сложность работы государственных органов по предупреждению терроризма заключалась в том, что отсутствовало прямое осуждение террористов со стороны части общества, интеллигенции. Существующая в обществе благоприятная атмосфера для эскалации терроризма способствовала его распространению и усложняла работу полицейского аппарата. Полицейскому аппарату приходилось работать тайно, так как в обществе не было поддержки. Деятельность государственных органов была направлена на предотвращение последствий совершенных террористических актов и наказание виновных в их совершении.

Опыт, накопленный правоохранительными органами Российской империи (Департамента полиции Министерства внутренних дел, Отдельного корпуса жандармов, Охранных отделений) по предупреждению терроризма в Российской Империи, позволил в современных условиях создать эффективную систему не только борьбы с терроризмом и экстремизма, но и их профилактики. Сегодня, приоритетной задачей является совершенствование эффективных правовых средств профилактики различных видов терроризма, развитие нормативно-правовой базы на основе исторического и международного опыта. Основой обеспечения эффективной системы профилактики служит организация разветвленной системы мер по разработке и реализации общегосударственных комплексных программ, включающих не только правовой, но и идеологический, специальный (оперативный, розыскной) и другие аспекты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные правовые акты, хрестоматии, сборники документов

1. «Россия под надзором» : отчеты III отделения 1827–1869: [сб. док.] : сборник документов / сост. М. Сидорова и Е. Щербакова. – Москва : «Рос. фонд культуры»: «Российский Архив», 2006. – 706 с. – ISBN 5-86566-055-1. – Текст : непосредственный.

2. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031. Текст : непосредственный.

3. Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX вв.) : сборник документов. – Москва : АИРО-XX, 2001. – 520 с. – Текст : непосредственный.

4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XXIII. – Санкт-Петербург, 1830. – 969 с. – Текст : непосредственный.

5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XLII. Отд. 1. – Санкт-Петербург, 1871. – 1348 с. – Текст : непосредственный.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XLIX. Отд. 1. – Санкт-Петербург, 1876. – 948 с. – Текст : непосредственный.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. XXIII. – Санкт-Петербург, 1905. – 1167 с. – Текст : непосредственный.

8. Российское законодательство X – X веков : в 9 т. Т. 6. – М. : Юрид. лит., 1988. – Текст : непосредственный.

9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных : издание 1885 г. // Свод Законов Российской империи: издание неофициальное. В 16 т. Т. 15. – Санкт-Петербург : Деятель, 1912. – 202. – Текст : непосредственный.

10. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. – Санкт-Петербург, Изд. Н. С. Таганцева. 1901. – 926 с. – Текст : непосредственный.

11. Устав уголовного судопроизводства. 1864 г. – Москва – Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 646 с. – ISBN 978-5-4475-4100-2. – Текст : непосредственный.

12. Устав о ссыльных (по изданию 1909 года) с разъяснениями правительствующего Сената / сост. Л. И. Марколя. – Иркутск : Паровая типо-литография П. Макушина и В. Посохина, 1911. – 173 с. – Текст : непосредственный.

13. Устав о ссыльных (тетр. 5 тома XIV Св. Зак., изд. 1857 г.). Исправленный и дополненный по продолжениям к Своду Законов, изданным в 1886, 1887 и 1889 гг. / сост. И. Сементовский. – Томск : Типо-

Литография Михайлова и Макушина, 1890 – 299 с. – Текст: непосредственный.

14. Уголовное уложение. 22 марта 1903 г. Неофициальное издание. С мотивами извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представленной Министерством Юстиции в Государственный Совет и журналов – особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Государственного Совета. – Санкт-Петербург, 1904. – 1124 с. – Текст : непосредственный.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.06.2020).

16. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

II. Сборники научных трудов, монографии

1. **Анисимов, Е. В.** Держава и топор. Царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е. В. Анисимов. – Москва : Новое литературное обозрение, 2019. – 422 с. – ISBN: 978-5-4448-0974-7. – Текст : непосредственный.

2. **Анисимов, Е. В.** Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е. В. Анисимов. – Москва : Новое литературное обозрение, 1999. – 720 с. – ISBN 5-86793-076-9. – Текст : непосредственный.

3. **Анисимов, Н. Н.** Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903–1917 гг.) / Н. Н. Анисимов. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 152 с. – ISBN 978-5-7525-0049-9. – Текст : непосредственный.

4. **Асеев, И. А.** Антитеррористическая деятельность полиции в дореволюционной России (1901–1917 гг.): монография / И.А. Асеев. – Уфа : УЮИ МВД России, 2010. – 80 с. – ISBN 978-5-7247-0639-1. – Текст : непосредственный.

5. **Асеев, И. А.** Борьба с террором в дореволюционной России : историко-правовой альманах / И. А. Асеев, Е. А. Баранова, А. С. Масалимов, А. Х. Султанов. – Уфа : УЮИ МВД России, 2014. – 272 с. – ISBN 978-5-7247-0760-2. – Текст : непосредственный.

6. **Бахарев, В.** Как держать себя на допросах / В. Бахарев. – Женева : Типография «Союз», 1900. – 52 с. – Текст : непосредственный.

7. **Гвоздиков, И. М.** Оренбургская политическая ссылка на дворянском этапе освободительного движения в России / И. М. Гвоздиков // Социально-экономическое и политическое развитие

Башкирии в конце XVI – начале XX в. – Уфа : БНЦ УО АН СССР, 1992. – С. 28–41. – Текст : непосредственный.

8. **Гогин, А. А.** Правовые основы борьбы с терроризмом в дореволюционной России / А. А. Гогин // Международный научный журнал «Символ науки». – 2016. – № 3. – С. 67–74. – Текст : непосредственный.

9. **Грачев, А. С.** Политический экстремизм / А. С. Грачев. – Москва : Мысль, 1986. – 271 с. – Текст : непосредственный.

10. **Грачев, А. С.** Тупики политического насилия : Экстремизм и терроризм на службе международной реакции / А. С. Грачев. – Москва : Международные отношения, 1982. – 192 с. – Текст : непосредственный.

11. **Иванов, А. А.** Законодательство о ссылке и его применение в Сибири во второй половине XIX века / А. А. Иванов // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – № 4. – С. 48–56. – Текст : непосредственный.

12. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. – Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1996. – 576. – Текст : непосредственный.

13. **Казарян, П. Л.** Правовая регламентация политических преступлений в законодательстве России. Первая треть XIX – начало XX века / П. Л. Казарян // Сибирь и ссылка : [сайт]. – 2014. – 7 авг. – URL:http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1215. – Текст : электронный (дата обращения: 15.04.2021);

14. **Козьмин, Б. П.** С. В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников жандармов и провокаторов / Б. П. Козьмин. – Москва, – Ленинград : Государственное издательство, 1928. – 146 с. – Текст : непосредственный.

15. **Корнилов, А. А.** Общественное движение при Александре II (1855–1881). Исторические очерки / А. А. Корнилов. – Москва, 1909. – 263 с. – Текст : непосредственный.

16. **Крапоткин, П. А.** Тюрьмы, ссылка и каторга в России / П. А. Крапоткин; пер. с англ. Вл. Кауфмана. – Санкт-Петербург : Тип. В. Мильштейна, 1906. – 60 с. – Текст : непосредственный.

17. **Латыпова, В. В.** Польские ссыльные на Южном Урале после восстания 1863-1864 годов и их взаимоотношения с местным населением / В. В. Латыпова // Славянские этносы, языки и культуры в современном мире: материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования Республики Башкортостан, 110-летию создания Башкирского государственного и 10-летию создания Региональной общественной организации «Общество дружбы Башкортостан – Болгария» / отв. ред. В. Л. Ибрагимова, Л. А. Киселева. – Уфа, 2019. С. 357–370. – Текст : непосредственный.

18. **Лемке, М.** Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам) / М. Лемке. – Москва : Государственное издательство, 1923. – 684 с. – Текст : непосредственный.

19. Летопись Белорусской государственной сельскохозяйственной академии (1840-2015 гг.) / А. А. Герасимович, В. М. Лившиц. – Горки : БГСХА, 2015. – 212 с. – ISBN 978-985-467-569-5. – Текст : непосредственный.

20. **Лурье, Ф. М.** Полицейские и провокаторы : Политический сыск в России. 1649–1917 / Ф. М. Лурье. – Москва : «ИнКА», 1992. – 413 с. – ISBN 5-87996-007-2. – Текст : непосредственный.

21. **Марголис, А. Д.** Тюрма и ссылка в императорской России. Исследования и архивные находки / А. Д. Марголис. – Москва : Лантерна Вита, 1995. – 208 с. – ISBN 5-86191-011-1. – Текст : непосредственный.

22. **Матюшов, А. М.** Законодательство Российской империи об уголовной ответственности за организацию террористического сообщества или участие в нем // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 407. – С. 192–195. – Текст : непосредственный.

23. МВД Российской империи : 1802-1917 // МВД России : Люди, структура, деятельность. – Т. I, ч. 1. – Москва : Объединенная редакция МВД России, 2011. – 320 с. – ISBN 978-5-8129-0107-03. – Текст : непосредственный.

24. **Мухаметов, П. А.** Правовой статус и положение политических заключенных в Уфимской и Оренбургской губерниях в конце XIX – начале XX вв. / П. А. Мухаметов // Политические, социально-экономические и межэтнические процессы в пограничных регионах России в XVI – начале XX вв. : материалы Международной научно-практической конференции (г.Уфа 1–4 июня 2020 г.) / отв. ред. Р.Г. Буканова. Уфа : Мир печати, 2020. С. 319–324. – Текст : непосредственный.

25. Неизвестная Россия. XX век. Книга вторая. – Москва : Историческое наследие, 1992. – 384 с. – Текст : непосредственный.

26. **Никитина, Е.** Ссылка 1905–1910 годов. (Историческая справка) / Е. Никитина // Сибирская ссылка. Сборник первый / под ред. Н. Ф. Чужака. – Москва : «Мосполиграф», 1927. – 222 с. – Текст : непосредственный.

27. Памятная книжка социалиста-революционера. Выпуск II. – Париж, 1914. – 88 с. – Текст : непосредственный.

28. **Перегудова, З. И.** Политический сыск в России (1880–1917) / З. И. Перегудова. – Москва : Российская политическая энциклопедия, 2013. – 528 с. – ISBN 978-5-8243-1749-7. – Текст : непосредственный.

29. Политический сыск, борьба с террором. Будни охранного отделения. Воспоминания / под ред. Л. М. Суриса. – Москва, – Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 820 с. – ISBN 978-5-4475-8707-9. – Текст : непосредственный.

30. **Прайсман, Л. Г.** Террористы и революционеры, охранники и провокаторы / Л. Г. Прайсман. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 432 с. – ISBN 5-8243-0164-6. – Текст : непосредственный.

31. Русский политический сыск за границей. Часть первая. – Париж, 1914. – 260 с. – Текст : непосредственный.

32. **Тельберг, Г. Г.** Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. / Г. Г. Тельберг. – Москва, 1912. – Текст : непосредственный.

33. **Троицкий, Н. А.** Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. / Н. А. Троицкий. – Москва : Мысль, 1978. – 335 с. – Текст : непосредственный.

34. **Троицкий, Н. А.** Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. / Н. А. Троицкий. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1976. – 408 с. – Текст : непосредственный.

35. **Хакимов, С. Х.** Из истории деятельности детских пенитенциарных учреждений в дореволюционной России (историко-правовой аспект) / С. Х. Хакимов // Актуальные проблемы права и государства в XXI в. : материалы Международной научно-практической конференции, 9–10 апреля 2009 года. – Уфа, 2009. С. 41–46. – Текст : непосредственный.

36. **Хакимов, С. Х.** Судебные и правоохранительные органы / С. Х. Хакимов, А. С. Абдрахманов // История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2 т. : Т. I. – Уфа : Гилем, 2006. – 240 с. – Текст : непосредственный.

37. **Хутарев-Гарнишевский, В. В.** Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. / В. В. Хутарев-Гарнишевский. – Москва : Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, 2019. – 660 с. - ISBN 978-5-93255-567-5. – Текст: непосредственный.

38. **Чернышевский, Д. В.** Полиция как орудие карательной политики царизма (1881–1894 гг.) / Д. В. Чернышевский // Освободительное движение в России. – 1989. – Выпуск 12. С. 75–90. – Текст : непосредственный.

39. **Четвериков, С. А.** Польские политические ссыльные 1863 года в Оренбургской губернии / С. А. Четвериков // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2016. – № 4. – С. 22–26. – Текст : непосредственный.

40. **Чукарев, А. Г.** Тайная полиция России: 1825–1855 гг. / А. Г. Чукарев. – Москва : Жуковский: Кучково поле, 2005. – 704 с. – ISBN 5-86090-120-8. – Текст : непосредственный.

III. Учебники, учебные пособия, словари, справочники

1. **Амиров, Р. З.** Обеспечение внутренней безопасности Российского государства (проблемы взаимодействия армии, органов внутренних дел и внутренних войск) : историко-правовой анализ : учебное пособие / Р. З. Амиров. – Уфа : УЮИ МВД России, 2013. – 72 с. – Текст : непосредственный.

2. Башкортостан : Краткая энциклопедия. – Уфа : Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 1996. – 672 с. – ISBN 5-88185-001-7. – Текст : непосредственный.

3. Большой энциклопедический словарь / А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. – Москва : Инфра-М, 2003. – 442 с. – Текст : непосредственный.

4. История органов внутренних дел : учебник. – Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2018. – Часть 1. – 153 с. – ISBN 978-5-88437-893-2 (ч. 1). – Текст : непосредственный.

5. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс] / под ред. И. Е. Андреевского. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/all/030/30741.shtml>. – Текст: электронный (дата обращения: 20.04.2021).

IV. Диссертации и авторефераты

1. **Бакаев, А. А.** Историография российского революционного терроризма конца XIX – начала XX века : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / А. А. Бакаев; Российский ун-т дружбы народов. – Москва, 2005. – 390 с. – Текст : непосредственный.

2. **Четвериков, С. А.** Оренбургская политическая ссылка в 1820-1870-х годах : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / С. А. Четвериков; Оренбургский государственный университет. – Оренбург, 2018. – 226 с. – Текст : непосредственный.

V. Материалы периодической печати

1. Тюремный вестник. – 1893. – № 2. – С. 50–51.

2. **Аиткужин, И. Р.** Становление и развитие пенитенциарной системы в Башкирии в XIX веке / И. Р. Аиткужин // Вестник ВЭГУ. – 2010. – № 5. – Текст : непосредственный.

VI. Мемуары

1. **Заварзин, П. П.** Работа тайной полиции / П. П. Заварзин; под ред. Л. М. Суриса. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2017. – 118 с. – ISBN 978-5-4475-8969-1. – Текст : непосредственный.

2. **Засулич, В. И.** Воспоминания / подг. Б. П. Козьмин. – Москва : Издательство политкаторжан, 1931. – 158 с. – Текст : непосредственный.

3. **Чарушин, Н. А.** О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX в. / Н. А. Чарушин. – Москва : Мысль, 1973. – 408 с. – Текст : непосредственный.

VII. Архивные источники

1. Российский государственный исторический архив (РГИА).
Ф. 1286. Оп. 26. Д. 1024.

2. РГИА. Ф. 1286. Оп. 26. Д. 1013.

Раздел второй. О судопроизводстве по государственным преступлениям¹

В 7-й день июня 1872 года Высочайше утверждена и обнародована в собрании узаконений 1872 г. № 53 нижеследующая новая редакция раздела второго книги третьей устава уголовного судопроизводства статей 1030–1061 о судопроизводстве по государственным преступлениям:

Дела о государственных преступлениях производятся общим порядком уголовного судопроизводства, с соблюдением правил, изложенных в настоящем разделе.

Дела о государственных преступлениях ведаются:

или 1) судебными палатами, когда преступление не влечет за собою по закону наказания, соединенного с лишением или ограничением прав состояния;

или 2) особым присутствием Правительствующего Сената с участием сословных представителей (ст. 23–26), когда за преступление определено в законе наказание, сопряженное с лишением или ограничением прав состояния;

или 3) верховным уголовным судом, когда по случаю обнаруженного в разных краях государства общего заговора против верховной власти или против установленного законами образа правления или порядка наследия престола, последует Высочайший указ о рассмотрении дела в сем суде.

При совокупности преступлений государственных с другими преступлениями, все они рассматриваются нераздельно судебною палатою или особым присутствием Правительствующего Сената; но когда обвиняемый в преступлении, подведомом судебной палате (ст. 2 п. 1-й), обвиняется в таком преступном деянии, не относящемся к разряду государственных, которое влечет за собою наказание, соединенное с лишением или ограничением прав состояния, вопрос о виновности его в сем преступном деянии рассматриваются особо, подлежащим судом, а приговор, по совокупности преступлений, постановляется судебною палатою.

Дознания о государственных преступлениях производятся порядком, определенным в ст. 20–29 Высочайше утвержденных 19-го мая 1871 г. правил о порядке действий чинов корпуса жандармов по исследованию преступлений. В случае отсутствия чинов этого корпуса, первоначальные меры, нетерпящие отлагательства, в том числе обыск в помещении подозреваемого лица, с опечатанием его бумаг, принимаются полицею.

¹ Устав уголовного судопроизводства. 1864 г. М. – Берлин, 2015. С. 547–578.

Учебное издание

Мухаметов Павел Алексеевич
(кандидат исторических наук)
Каримов Рим Римович
(кандидат юридических наук, доцент)
Амиров Рустем Загирович
(кандидат юридических наук, доцент)

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, НАПРАВЛЕННОГО НА
ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ И
ТЕРРОРИЗМУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Учебное пособие

Редактор Е. А. Ермолаева

(Фото на обложке: «Покушение на жизнь Александра II, 1 марта 1881 года»)

Подписано в печать 28.06.2021	Выход в свет 30.06.2021
Гарнитура Times	Формат 60x84 1/16
Уч.-изд. л. 3,3	Усл. печ. л. 3,5
Тираж 50 экз.	Заказ № 34

*Редакционно-издательский отдел
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2*

*Отпечатано в группе полиграфической и оперативной печати
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2*